

А. И. Осипов,
заслуженный профессор МДА

СТАТЬ СВЯТЫМ

ИЛИ БОГАТЫРИ НЕ МЫ?!

Издательство
Московской
Патриархии

СЕРИЯ «ПРАВОСЛАВИЕ В ЖИЗНИ»

А. И. ОСИПОВ,
заслуженный профессор
Московской Духовной академии

СТАТЬ СВЯТЫМ ИЛИ БОГАТЫРИ НЕ МЫ?!

Издательство
Московской Патриархии
Москва • 2010

УДК 242
ББК 86 372
074

По благословению
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси
КИРИЛЛА

Осипов А. И.

074 Стать святым или богатыри не мы?! — М.:
Издательство Московской Патриархии, 2010. —
160 с.

Может ли современный человек стремиться к святости? Или это грех тщеславия и гордости? Может ли он хотя бы надеяться на спасение? Или болезнь порабощения грехом неизлечима? Что на эту тему говорят Святые Отцы? По плечу ли нам святоотеческие правила спасения? Или Царство Небесное с его обителями: спасенность, праведность, святость, — не для нас?

Цель книги — указать читателю, как можно сегодня в грешном, полном соблазнов мире жить не по его стихиям, а по Христу; как научиться бороться и с Божией помощью побеждать похоть плоти, похоть очей и гордость житейскую.

© Издательство Московской
Патриархии, 2010
© Осипов А. И., текст

ISBN 978-5-88017-110-1

СТУПЕНИ ДУХОВНОГО РАЗВИТИЯ

Православие рассматривает святость как высшую ступень духовного развития человека. «Спаситель мира указал два пути, два образа жизни для верующих в Него: путь или жительство, доставляющие спасение, и путь или жительство, доставляющие совершенство» (СПб., 1905. Т. 1. С. 466), — так писал святитель Игнатий, ссылаясь на беседу Спасителя с богатым юношей. Однако первый путь имеет две ярко отличных друг от друга ступени: первую, низшую, которая условно может быть названа спасенностью, и вторую, именуемую праведностью.

Спасенность

Что есть спасение, чем оно обуславливается и почему это состояние не определяется Церковью как «канонизированная» святость? По существу, спасение — это единение нашего человеческого духа с Духом

Божиим. Но как это возможно? Мы же понимаем, что вода соединяется с водой, но не с маслом. И дух человеческий тогда только может соединиться с Духом Божиим, когда станет подобным Ему. Однако разве может что-то сотворенное уподобиться Ему? В книге Иова есть такие сильные слова: *Что такое человек, чтоб быть ему чистым, и чтобы рожденному женщиною быть праведным? Вот, Он и святым Своим не доверяет, и небеса нечисты в очах Его* (Иов 15, 14–15). По этой причине никто даже из самых праведных людей не мог соединиться с Ним — спастись. Потому и потребовалась особая помощь Божия через воплощение Сына Божия и совершение крестной Жертвы. Именно *Кровь Иисуса Христа, Сына Его, очищает нас от всякого греха* (1 Ин. 1, 7), спасает. Кого же подразумевает Апостол, когда говорит: *очищает нас?*

Как мы знаем из Евангелия, первым, вошедшим в рай, оказался разбойник, у которого, образно говоря, руки по локоть были в крови. (Такого, кстати, не знала ни одна религия мира.) По какой же причине он оказался спасенным? Евангельский контекст говорит об этом вполне определенно: за осознание мерзости своей жизни, за глубокое чувство

своего недостойнства спасения, за искреннее, покаянное обращение ко Спасителю. Разбойник всем своим существом понимал и ни на йоту не сомневался, что он не может быть там, где будет рядом распятый Праведник. Отсюда его слова ко Христу, исполненные удивительного для человека, находящегося в таких жутких страданиях, смирения: *Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое* (Лк. 23, 42). Не просьбы о спасении от мук, не мольбы о жалости, а помяни меня там, в Твоем Царстве, где я, конечно, никогда не буду. Этого оказалось достаточно для спасения! Действительно: *сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50, 19).

Разбойнику, распятому справа от Христа, Господь говорит: *ныне же будешь со Мною в раю* (Лк. 23, 43). Как понять это более чем странное определение такой вечной участи человека, который, кажется, ничего праведного не сделал? В Евангелии мы встречаемся не раз с тем же поразительным явлением. Так, фарисеям Христос ставит в пример мытаря, сборщика налогов, который направо и налево обманывает своих собратьев. А кто такие фарисеи? Это люди, целью своей жизни которых является тщательное исполнение всего закона Божиего.

Так вот, Христос оправдывает не только мытаря, но и блудницу, взятую в явном грехе, а фарисеям говорит: *истинно говорю вам, что мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие* (Мф. 21, 31). Что значит вперед? В данном случае это слово говорит о том, что *они*, кающиеся грешники, спасутся, а не вы, так называемые праведники! Фарисеев за их лицемерие, гордость и превозношение над прочими людьми, которых они именовали грешниками, Спаситель называет *змиями, порождениями ехидны, окрашенными гробами, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты* (Мф. 23, 33, 27), *хищения и лукавства* (Лк. 11, 39). Что Господь называет хищением и лукавством? Видение себя праведным, достойным наград божественных и человеческих.

Такая самовлюбленность, закрывающая от человека его грехи, особенно внутренне, большей частью невидимые другими людьми, например тщеславие, зависть, лукавство, гордость и т. д., делает человека неспособным к принятию Бога, Его святости. Еще премудрый Соломон писал: *В лукавую душу не войдет премудрость*

и не будет обитать в теле, порабощенном греху (Прем. 1, 4).

Спасается, оказывается, не такой «праведник», а тот действительный грешник, который, как благоразумный разбойник, осознает свою греховность, духовную и нравственную нечистоту, свое недостойнство перед Всесвятой любовью Божией и глубоко раскаивается. Лишь тот человек, который способен увидеть и осознать свои мерзости, внутренне отвергнуть их, раскаяться, получает спасение, как в случае с разбойником. В этом суть спасенности, первой и важнейшей ступени духовного развития человека, ведущей его к святости.

Состояние спасения может быть различным. Апостол Павел писал: *Иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится в славе (1 Кор. 15, 41).* В другом месте он более подробно объясняет: *каждого дело обнаружится; ибо день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть. У кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду. А у кого дело сгорит, тот потерпит урон; впрочем сам спасется, но так, как бы из огня (1 Кор. 3, 13–15).*

Праведность

О людях, которые стараются жить по совести, правде, проявляют милосердие к другим, стремятся никого не обижать, не угнетать, Христос сказал: *Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное* (Мф. 5, 6, 7, 10). Те, кто искренно стремится исполнять золотое правило жизни: *как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними* (Мф. 7, 12), — являются праведными.

Однако праведность в отношении к людям, закону, вещам и в целом к окружающему миру еще не достаточный показатель того, что данный человек искоренил грех в своей душе, достиг святости. Но пока в нем не изжиты страсти, его праведная жизнь не может иметь совершенной духовной чистоты. Страсти непременно искажают его поведение и заставляют одних любить больше, других меньше, гневаться и раздражаться, осуждать и т. д. Конечно, если праведная жизнь сопряжена с осознанием своей греховности, с покаянием, то она приносит человеку уже здесь, на земле, такие духовные

плоды, какие не может иметь никто живущий нерадиво. Праведность — это чистота совести, и уже по этой причине она возводит человека на неизмеримо более высокий уровень по сравнению с тем, кто живет безнравственно, несправедно (как, например, благоразумный разбойник). И тем не менее праведность, которая ограничивается лишь безукоризненной нравственностью, но не соединена с полноценной духовной жизнью, еще не является тем, что называется святостью.

Святость

Это особая сопричастность человека Духу Святому, Который подается верующему лишь при условии видения им своей греховности, своего недостойнства перед Всесвятым Богом, приобретения им глубокого смирения. Святым является тот человек, который не только не нарушает нравственных норм жизни, но и достигает такой духовной чистоты, при которой соответственно ревности подвига происходит обоже-ние его ума, сердца, воли, самого тела. Такое состояние, хотя с необходимостью и предполагает праведность, но далеко не обуславливается ею.

Святость достигается при правильной духовной жизни, которая заключается, с одной стороны, в борьбе со своими страстями в мыслях, чувствах, желаниях, с другой — в понуждении себя к исполнению всех заповедей Божиих. Такая жизнь требует тщательного изучения Священного Писания и творений Святых Отцов, преимущественно аскетических, и сопряжена с постоянной молитвой (большей частью, Иисусовой: *Господи, Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй меня грешного*), с разумным воздержанием (постом) всех своих телесных и душевных чувств.

Успех в духовной жизни в большой степени зависит от тех внешних условий, в которых находится и подвизается христианин. Очистить ум и сердце практически невозможно в том вихре дел, работы, суеты и забот, в которых находится обычный мирской человек. Именно поэтому ищущие духовного совершенства, как правило, отказывались от семейной жизни, имущества (кроме самого необходимого) и всех возможных связей с мирской деятельностью и мирскими людьми — вообще от всего, что рассеивает ум, мешает молитве, внутренней сосредоточенности. Такая жизнь издревле

называлась монашеской. О ней святитель Игнатий писал: «Монахи суть те христиане, которые оставляют все по возможности земные занятия для занятия молитвой — добродетелью, высшей всех добродетелей, чтобы посредством ее соединиться воедино с Богом...» (I, 458)¹

Монахи-уединенники достигали того бесстрастия, совершенного смирения и богоподобной любви, которые делали их причастниками Духа Божиего, святыми. Преподобный Варсануфий Великий писал: «И тогда Бог удостоверит вас, что она [любовь] возводит имеющих ее до седьмого неба» (Руководство к духовной жизни. СПб., 1905. Ответ 109.). Отсюда понятно, почему значительное число тех, кто причислен Церковью к лику святых, являются монахами.

Однако Церковь канонизирует не только монахов, но и христиан, не достигших подобного совершенного состояния. Дело в том, что канонизация не всегда означает признание за данным человеком абсолютной святости — первым в рай вошел разбойник.

¹ Здесь и далее в скобках указываются: первая цифра — номер тома, вторая — страница Творений святителя Игнатия (Брянчанинова) по изданию 1905 года.

Канонизация является таким актом Церкви, которым она предлагает верующим живой пример для подражания или подвига страданий и смерти за Христа (мученики), или доброй христианской жизни тех, кто среди мира сумел сохраниться от соблазна и греха (праведники). В процессе причисления праведных христиан к лику святых всегда присутствует опасность поддаться мирским критериям оценки человека, придав исключительное значение его внешней церковной или социальной деятельности, и превратить святцы в пантеон, где «святыми» станут не чистые сердцем, а славные мира сего: цари, князья, церковные иерархи, общественные деятели и т. д. Это отдельная и очень серьезная тема, которая, не исключено, скоро станет актуальной.

Зачем молятся святым

В состоянии святости многие получают дары чудотворений, прозорливости, исцелений. И часто по неопытности, исходя только из этих признаков, люди начинают считать святым любого, у кого эти способности обнаружатся. Теперь, когда появилось множество прорицателей, экстрасенсов, ясно-

видцев и разного рода проходимцев, этот вопрос приобретает особенную насущность. Божественное Откровение и святоотеческое учение прямо утверждают, что эти способности сами по себе совсем еще не являются показателем святости человека. Сам Христос предупредил: *восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных. Вот, Я наперед сказал вам* (Мф. 24, 24–25). Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин писал: «весьма часто... люди развращенные умом и противники веры именем Господа изгоняют демонов и творят великие чудеса»¹. Эти предупреждения важно помнить и по другой причине. Сейчас, к великому сожалению, очень многие верующие ищут не исцеления от страстей, не спасения, не святости, а именно внешних знамений и чудес. Жажда всего этого стала чуть ли не эпидемией в нашем народе. В поисках исцелений от болезней обращаются к кому угодно, лишь бы достичь своей цели: к колдунам, экстрасенсам, лжестарцам — и в результате причиняют неисцельный вред и душе, и телу.

¹ Иоанн Кассиан Римлянин, прп. Писания. М., 1892. С. 444.

В настоящее время выпускается множество книг, из которых можно точно узнать, какому святому или перед какой иконой нужно молиться, чтобы получить все необходимое в жизни. Это свидетельствует о плачевном духовном состоянии народа, выходящего из огня атеизма и попадающего нередко в полымя язычества.

Православная вера говорит, что молитвы святым носят совершенно иной характер. Любой святой, к которому мы искренне обращаемся, является нашим сомолитвенником Богу и становится помощником во всякой проблеме! Своей любовью Господь отвечает на молитву любого святого, при условии, что человек ищет не просто помощи в своих земных нуждах, но и кается, дает обещание изменить свою жизнь. «Специализация» святых, которую находим в издаваемых теперь во множестве «православных» книжках, воспитывает ложную веру в народе.

Действенность молитв святому зависит не от его мифической «специализации», а от правильности нашей молитвы, которая прежде всего должна быть сопряжена с покаянием, искренним желанием жить по-христиански. Специализировать же святых,

как это рекламируют псевдоправославные книжки — признак суеверия, которое ни к чему доброму не приведет. Если у верующего лишь одно устремление — исцелиться от болезни, а мысли об изменении своей жизни нет, покаяния нет, то разве не язычество это? Почему и зачем молимся святым? Если мы, даже зная, что тот или иной знакомый, или священник не безгрешные люди, и тем не менее обращаемся к ним с просьбой о молитве, то почему же не обратиться к человеку святому, хотя бы уже и не живущему среди нас? Ведь как сказал Сам Господь: *Бог не есть Бог мертвых, но живых* (Мф. 22, 31). Потому святым мы молимся с полной уверенностью, что их молитвы особенно действенны перед Богом.

Каждый пятый — святой!

Основные ступени духовного состояния человека:

- спасенность, которая достигается искренним покаянием (даже разбойника);
- праведность, дарующая не только вечную жизнь, но приносящая уже здесь, на земле, духовные плоды и мирную жизнь;

- святость, приобретаемая очищением сердца от страстей и стяжанием Духа Божия (*прп. Серафим Саровский*).

Но на пути к святости стоит одно весьма серьезное препятствие, без учета которого человек, даже правильно живущий, может оказаться в губительном состоянии.

В каждом человеке, даже в самом отъявленном злодее, присутствует устойчивое чувство своей хорошеи. Это прелестное чувство, к сожалению, остается без внимания даже у верующих людей. Нам и в голову не приходит, что мы можем оказаться где-то вне Царства Божия. Пусть не со святыми, но хотя бы в самом отдаленном его уголке, конечно, будем. Я же верующий, православный, хожу в церковь, исповедуюсь, причащаюсь. А если при этом я никого не убил, не ограбил, не обворовал, не изменил жене (мужу), то что же еще нужно? Осталось только одно — признаться самому себе: я — святой! Подавляющее число христиан замечают лишь самые грубые свои нравственные падения, не видя ни силы своих страстей, ни своего бессилия искоренить их.

Присмотревшись же к своим желаниям, чувствам, отношениям к друзьям и недругам и сопоставив их с голосом совести, с учением

Евангелия, христианин увидит и нечто другое, не очень приятное. Оказывается, я не могу не осуждать, не завидовать, не тщеславиться, не объедаться... — и столько еще этих «не могу», что от моей хорошеи ничего не остается. Даже когда делаю, кажется, доброе дело, и то оскверняю его тщеславием, расчетом, ревностью и прочее. Слушаю общую исповедь с подробным перечислением грехов и 99% в ней мое, то есть вижу, что я ни в чем не соответствую евангельским нормам жизни. Кажется, остается только одно — воскликнуть вместе с преподобным Макарием Великим: «Боже, очисти мя грешного, яко николиже (никогда) сотворих благое пред Тобою». Но нет. Как точно подметил святитель Феофан (Говоров): «Сам дрянью, а все твердит: несмы, яко же прочии человецы».

Такое невидение себя и непонимание сути христианства все глубже поражает сознание современных верующих во всем мире, особенно в протестантизме. Недавно в США был проведен опрос, который дал поразительные результаты: двадцать один процент назвали себя святыми — каждый пятый! Но попробовали бы задеть самолюбие или кошелек этого «святого»...

Только видение в себе «дряни» является условием и критерием правильной духовной жизни. Оно снимает с человека розовые очки и открывает ему очень далекую от святости реальность его души.

Можно ли сегодня стать святым

Совершенно очевидно, что идет процесс деградации человеческой расы, изменяется к худшему нравственная атмосфера всей жизни. Причин этому много. Но тем не менее уровень духовной жизни человека все же в большей степени зависит от самого человека, его решимости, а не от эпохи. Преподобный Серафим Саровский в XIX веке, ненамного в духовном отношении лучше нашего, показал, что возможно. Мы же, к сожалению, сами себя убеждаем: вести праведную жизнь сейчас нельзя — убеждаем, поскольку просто не хочется быть христианином. Да, такими святыми, каковы были Отцы, подвизавшиеся в пустынях, горах и непроходимых лесах, стать уже не сможем — богатыри не мы. Но Святые Отцы предсказали нам, духовно нищим, нечто утешительное: в последние времена те христиане, которые сохранили веру непоколебимой,

совесть чистой, с терпением и благодарением Богу перенесли скорби, окажутся даже выше них пред Богом. Выше, конечно, не по уровню их подвигов, не по глубине бесстрастия, не по обилию духовных дарований, но по степени осознания своей греховности, сохранению твердости веры и чистоты нравственной жизни в таких условиях, в которых и бесстрастному не просто остаться незапятнанным.

**ОСНОВЫ ДУХОВНОЙ
ЖИЗНИ И СВЯТОСТИ
ПО ТВОРЕНИЯМ СВЯТИТЕЛЯ
ИГНАТИЯ (БРЯНЧАНИНОВА)**

Понимание святости, как правило, неразрывно связано с другим, не менее емким понятием — духовность. В разных религиях и культурах они имеют разное содержание. Каков их православный смысл?

Сущность любой религии заключается в духовной жизни. Однако вхождение в эту жизнь требует не только ревности от человека, но и знания законов духовной жизни. Ревность не по разуму, как известно, плохой помощник. Туманные, расплывчатые представления об этой главной стороне религиозной жизни приводят христианина, особенно подвижающегося, как правило, к печальным последствиям, в лучшем случае — к духовному бесплодию, но чаще — к самомнению, прелести, психическим расстройствам и нравственным падениям. Самая распространенная ошибка в религиозной жизни — это подмена ее духовной стороны (исполнение заповедей Евангелия, покаяние, борьба со страстями,

любовь к ближним) внешней — исполнением церковных установлений и обрядов, активной церковной деятельностью. Такое отношение к религии, как правило, делает человека внешне церковным, а внутри гордым фарисеем и лицемером, отвергнутым Богом — «святым сатаной». Потому столь необходимо знание основополагающих принципов духовной жизни в Православии.

Неоценимую помощь в этом может оказать опытный руководитель, видящий душу человека. Но такие руководители даже в древние времена были, по свидетельству Святых Отцов, большой редкостью. Тем труднее их найти в настоящее время. Святые Отцы предвидели этот голод слова Божия (при избытке книг Священного Писания!) в последние времена и предуказали искренне ищущим спасительное средство в их духовной жизни — «жительство под руководством отеческих писаний с советом преуспевших современных братьев».

Приведенные слова принадлежат одному из авторитетнейших русских духовных наставников и писателей XIX века святителю Игнатию (Брянчанинову, 1807—1867), творения которого являются своего рода энциклопедией духовной жизни и представляют

собой одно из отеческих писаний, имеющих особую для современного христианина ценность. Эта их ценность обусловлена прежде всего тем, что они:

написаны на основе тщательного изучения святоотеческих творений и испытаны в горниле личного подвижнического опыта;

дают ясное изложение важнейших вопросов духовной жизни, в том числе и опасностей, встречающихся на ее пути;

излагают святоотеческий опыт богопознания применительно к психологии и силам человека ближайшей к нам по времени и по степени обмирщенности эпохи (XIX век).

Правильная мысль

«Обыкновенно люди считают мысль чем-то маловажным, потому они очень мало разборчивы при принятии мысли. Но от принятых правильных мыслей рождается все доброе, от принятых ложных мыслей рождается все злое. Мысль подобна рулю корабельному: от небольшого руля, от этой ничтожной доски, влачащейся за кораблем, зависит направление и, по большей части, участь всей огромной машины» (IV, 509), — так писал святитель Игнатий, подчеркивая

то исключительное значение, какое имеют наши мысли, взгляды и теоретические знания в целом для духовной жизни. Не только правильная догматическая вера и евангельская нравственность, но также знание и неукоснительное соблюдение духовных законов определяют успех сложного процесса реального перерождения страстного, *плотского* (Рим. 8, 5), *ветхого человека* (Еф. 4, 22) и *нового человека* (Еф. 4, 24).

Однако и теоретическое понимание этого вопроса оказывается не столь простым, как представляется на первый взгляд. Многообразие так называемых духовных путей жизни, которые предлагаются сейчас со всех сторон человеку, является подтверждением сложности данной проблемы.

Потому возникает задача исключительной важности: найти наиболее существенные признаки и свойства истинной духовности, которые позволили бы отличить ее от всевозможных видов лжедуховности, мистицизма, прелести. Об этом хотя и достаточно говорит двухтысячелетний опыт Церкви в лице своих святых, но его восприятие современным человеком, выросшим в условиях материалистической, бездуховной

цивилизации, встречает немалые трудности. Вот некоторые из них.

Наставления о духовной жизни Святыми Отцами всегда давались в соответствии с уровнем тех, кому они предназначались. «Просто так», «для науки» Святые Отцы не писали. Многие их советы, обращенные к подвижникам высокой созерцательной жизни и даже к так называемым новоначальным, совершенно не соответствуют духовным силам современного христианина.

Кроме того, различие духовного уровня спрашивающих порождает неоднозначность, иногда даже противоречивость этих советов, что, естественно, способно дезориентировать неопытного человека.

Избежать этих опасностей при изучении творений Святых Отцов, не зная хотя бы наиболее важных принципов духовной жизни, очень трудно. В то же время без святоотеческого руководства правильная духовная жизнь немыслима. Перед лицом этого, казалось бы, неразрешимого тупика и выявляется вся значимость духовного наследия тех Святых Отцов, преимущественно ближайших к нам по времени, которые «переложили» предшествующий святоотеческий опыт духовной жизни на язык, доступный

современному человеку, мало знакомому с этой жизнью, не имеющему, как правило, ни должного руководителя, ни должных сил.

Творения святителя Игнатия и являются как раз одним из лучших таких «переложений», дающих безукоризненно верный «ключ» к пониманию учения великих подвижников науки из наук — аскетики.

Что значит вера во Христа

Вот как святитель Игнатий пишет об этом: «Начало обращения ко Христу заключается в познании своей греховности, своего падения; от такого взгляда на себя человек признает нужду в Искупителе и приступает ко Христу посредством смирения, веры и покаяния» (IV, 277). «Не сознающий своей греховности, своего падения, своей гибели не может принять Христа, не может уверовать во Христа, не может быть христианином. К чему Христос для того, кто сам и разумен, и добродетелен, кто удовлетворен собою, кто признает себя достойным всех наград земных и небесных?» (IV, 378).

В приведенных словах невольно обращает на себя внимание мысль о том, что сознание своей греховности и проистекающее

из него покаяние являются первым условием принятия Христа. Святитель как бы подчеркивает: не вера в то, что Христос пришел, пострадал и воскрес, является «началом обращения ко Христу», ибо *и бесы веруют и трепещут* (Иак. 2, 19), а познание «своей греховности, своего падения» рождает истинную веру в Него.

Эта мысль святителя указывает на первое и основное положение духовной жизни, столь часто ускользающее от внимания верующих и раскрывающее действительную глубину православного ее понимания. Христианином, оказывается, является совсем не тот, кто верит по традиции или убедился в бытии Бога какими-то доказательствами, или только поверил, что Христос пришел, пострадал и воскрес ради нашего спасения, или тот православный, который чувствует себя выше «всех этих грешников, безбожников и нехристиан». Нет, христианин тот, кто видит свою духовную и нравственную нечистоту, свою греховность, видит себя погибающим, страдает об этом и потому внутренне способен к принятию Спасителя. Только это есть действительная, то есть спасающая, вера во Христа. Потому, например, святой мученик Иустин Философ писал:

«Он есть Слово, Коему причастен весь род человеческий. Те, которые жили согласно со Словом, суть христиане, хотя бы считались за безбожников: таковы между эллинами Сократ и Гераклит и им подобные... Таким образом, те, прежде бывшие, которые жили противно Слову, были бесчестными, враждебными Христу ... а те, которые жили и ныне живут согласно с Ним, суть христиане»¹. Потому так легко принимали христианство многие язычники, но отвергли его считающие себя богоизбранными иудеи.

Видящий себя праведным, видящий свои добрые дела не может быть христианином и не является им, кем бы он ни был в административно-иерархической структуре Церкви. В качестве аргумента святитель Игнатий приводит красноречивый факт из истории земной жизни Спасителя, Который был принят простыми, сознающими свои грехи евреями, но с ненавистью был отвергнут и осужден на жуткую казнь «умной», «добродетельной», респектабельной иудейской элитой: архиереями, фарисеями (ревностными исполнителями церковных обычаев, Устава и т. д.), книжниками (богословами).

¹ *Иустин Философ, св. мч. Апология 1, 46.*

Не здоровые имеют нужду во враче, но больные (Мф. 9, 12), — говорит Господь. На путь исцеления и спасения становятся лишь те, которые увидят болезнь своей души, ее неисцельность собственными силами и потому оказываются способными обратиться к пострадавшему за них истинному Врачу Христу. Вне этого состояния, именуемого у Отцов также «познанием себя», невозможна нормальная духовная жизнь. «На познании и сознании немощи зиждется все здание спасения», — пишет святитель Игнатий (I, 532). Он неоднократно приводит замечательные слова преподобного Петра Дамаскина: «Начало просвещения души и признак ее здравия заключается в том, когда ум начнет зреть свои согрешения, подобные множеством своим морскому песку» (II, 410).

Потому вновь и вновь, восклицая, повторяет святитель: «Смирение и рождающееся из него покаяние — единственное условие, при котором приемлется Христос! Смирение и покаяние — единственная цена, которую покупается познание Христа! Смирение и покаяние — единственное нравственное состояние, из которого можно приступить ко Христу, усвоиться Ему! *Смирение и покая-*

ние — единственная жертва, которой взыскует и которую приемлет Бог от падшего человечества (Пс. 50, 18—19). Зараженных гордостным, ошибочным мнением о себе, признающих покаяние излишним для себя, исключаящих себя из числа грешников, отвергает Господь. Они не могут быть христианами» (IV, 182—183).

Познай самого себя

Каким же образом приобретается человеком это спасительное познание себя, своей ветхости, открывающее ему всю бесконечную значимость Жертвы Христовой? Вот что отвечает святитель Игнатий: «Я не вижу греха моего, потому что еще работаю греху. Не может увидеть греха своего наслаждающийся грехом, позволяющий себе вкушение его — хотя бы одними помышлениями и сочувствием сердца. Тот только может увидеть грех свой, кто решительным произволением отрекся от всякой дружбы с грехом, кто встал на доброй страже во вратах дома своего с обнаженным мечом — глаголом Божиим, кто отражает, посекает этим мечом грех, в каком бы виде он ни приближался к нему. Кто совершит великое дело —

установит вражду с грехом, насильно отторгнув от него ум, сердце и тело, тому дарует Бог великий дар: зрение греха своего» (II, 122).

В другом месте он дает такой практический совет: «Кто отказался от осуждения ближних, помысл того, естественно, начинает видеть грехи и немощи свои, которых не видел в то время, как занимался осуждением ближних» (V, 351). Основную свою мысль об условии самопознания святитель Игнатий выражает следующими замечательными словами преподобного Симеона Нового Богослова: «Тщательное исполнение заповедей Христовых научает человека его немощи» (IV, 9), то есть открывает ему подлинную и печальную картину того, что находится и что действительно происходит в его душе.

Вопрос о том, как приобретается видение греха своего, или познание себя, своего *ветхого человека*, является центральным в духовной жизни. Святитель Игнатий прекрасно показал его логику: только видящий себя погибающим нуждается в Спасителе; напротив, *здоровым* (Мф. 9, 12) Христос не нужен. Поэтому для хотящего верить во Христа православно это видение является основной

малочей подвига и одновременно главным критерием его истинности.

Добрые дела

Напротив, подвиг и любые добродетели, не приводящие к такому результату, оказываются лжеподвигом и жизнь обесмысливается. Апостол Павел об этом говорит, обращаясь к Тимофею: Если же кто и подвизается, не увенчивается, если незаконно будет подвизаться (2 Тим. 2, 5). Преподобный Исаак Сирийский говорит об этом еще более определенно: «Воздаяние бывает не добродетели и не труду ради нее, но рождающемуся от них смирению. Если же оно утрачено, то первые будут напрасны»¹.

Последнее высказывание открывает собой еще одну важную страницу в понимании духовной жизни и ее законов: не добродетели и подвиги сами по себе приносят человеку благо Царствия Божия, которое *внутри нас есть* (Лк. 17, 21), но происходящее от них смирение. Если же смирение не приобретается — бесплодны и бессмысленны все подвиги,

¹ *Исаак Сирийский, прп. Слова подвижнические.* М., 1858. Слово 34. С. 217.

все добродетели. Но научает человека смирению только труд исполнения заповедей Христовых. Так выясняется одна из сложных богословских проблем о соотношении веры и добрых дел в вопросе спасения.

Святитель Игнатий уделяет большое внимание этому вопросу. Он рассматривает его в двух аспектах: во-первых, в плане понимания необходимости Жертвы Христовой и, во-вторых, в отношении к христианскому совершенству. Выводы его, исходящие из святоотеческого опыта, необычны для школьного богословия.

Он пишет: «Когда бы добрые дела по чувствам сердечным доставляли спасение, то пришествие Христово было бы излишним» (I, 513). «Несчастен тот, кто удовлетворен собственной человеческою правдою: ему не нужен Христос» (IV, 24). «Таково свойство всех телесных подвигов и добрых видимых дел. Если мы, совершая их, думаем приносить Богу жертву, а не уплачивать наш необъятный долг, то добрые дела и подвиги соделываются в нас родителями душепагубной гордости» (IV, 20).

Святитель Игнатий даже так пишет: «Делатель правды человеческой исполнен самомнения, высокоумия, самообольщения...

ненавистью и мщением платит тем, которые осмелились бы отворить уста для самого основательного и благонамеренного противоречия его правде; признает себя достойным и предостойным наград земных и небесных» (V, 47). Отсюда становится понятным призыв святителя: «Не ищи совершенства христианского в добродетелях человеческих: тут нет его; оно таинственно хранится в Кресте Христовом» (IV, 477–478).

Эта мысль прямо противостоит представлению о том, что так называемые «добрые дела» всегда являются добрыми и содействуют спасению, независимо от побуждений, с которыми совершает их человек. В действительности же правда и добродетели ветхого и нового человека не дополняют друг друга, а взаимоисключают. И причина этого достаточно очевидна. Добрые дела являются не целью, а средством исполнения величайшей заповеди о любви. Но они могут совершаться и по расчету, лицемерно и по тщеславию, гордыне. (Когда человек видит нуждающихся, и золотит купола храмов, или строит церковь там, где в ней нет никакой необходимости, то ясно, что он не Богу служит, а своему самолюбию). Дела, совершаемые не по причине исполнения заповеди, ослепляют человека

своей значимостью, превозносят его, делают великим в своих глазах, растят его «я» и тем удаляют его от Христа. Искреннее же понуждение себя к исполнению заповеди о любви к ближнему, напротив, открывает человеку его страсти: человекоугодие, самомнение, лицемерие и прочее, открывает ему, что ни одного доброго дела он не может совершить без греха. Это смиряет человека и приводит ко Христу. Преподобный Иоанн Пророк говорил: «Истинный труд не может быть без смирения, ибо сам по себе труд суетен и не вменяется ни во что»¹.

Иными словами, добродетели и подвиги могут быть и крайне вредными, если они не основываются на познании скрытого в душе греха и не приводят к еще более глубокому его видению. «Надо, — наставляет поэтому святитель Игнатий, — сперва усмотреть свой грех, потом омыть его покаянием и стяжать чистоту сердца, без которой невозможно совершить ни одной добродетели чисто, вполне» (IV, 490). В качестве примера святитель приводит оценку подвижниками своих подвигов и добродетелей. «Подвижник, —

¹ *Варсануфий Великий и Иоанн, прпп.* Руководство к духовной жизни. СПб., 1905. Ответ 274.

нишет он, — только что начнет исполнять их, как и увидит, что исполняет их весьма недостаточно, нечисто... Усиленная деятельность по Евангелию яснее и яснее открывает ему недостаточность его добрых дел, множество его уклонений и побуждений, несчастное состояние его падшего естества... Исполнение им заповедей он признает искажением и осквернением их» (I, 308—309). Поэтому святые, продолжает он, «омывали свои добродетели, как бы грехи, потоками слез» (II, 403).

Опасно преждевременное бесстрашие

Обратимся еще к одному важному закону духовной жизни. Он заключается в «сродстве между собой как добродетелей, так и пороков», или, иначе, — в строгой последовательности и взаимообусловленности, как приобретения добродетелей, так и действия страстей. Святитель Игнатий говорит: «По причине этого сродства произвольное подчинение одному благовому помыслу влечет за собой естественное подчинение другому благовому помыслу; стяжание одной добродетели вводит в душу другую добродетель, сродную и неразлучную с первой. Напротив того,

произвольное подчинение одному греховному помыслу влечет невольное подчинение другому; стяжание одной греховной страсти влечет в душу другую страсть, ей сродную; произвольное совершение одного греха влечет к невольному впадению в другой грех, рождаемый первым. Злоба, сказали Отцы, не терпит пребывать беспутную в сердце» (V, 351).

Серьезное предупреждение! Как часто христиане, не зная этого закона, небрежно относятся к так называемым «мелким» грехам, произвольно, то есть без насилия страсти, согрешая в них. А потом в недоумении со страданием и отчаянием, уже как рабы, невольно впадают в тяжкие согрешения, ведущие к великим скорбям и трагедиям в жизни.

О том, насколько необходимо в духовной жизни строгое соблюдение закона последовательности, свидетельствуют приводимые святителем Игнатием следующие слова опытного наставника в духовной жизни, преподобного Исаака Сирина: «Премудрый Господь благоволил, чтобы мы снедали в поте лица хлеб духовный. Установил Он это не от злобы, но чтобы не произошло несварения, и мы не умерли. Каждая добродетель есть мать следующей за ней. Если оставишь

мать, рождающую добродетели, и устремись к взысканию дочерей, прежде стяжания матери, то добродетели эти становятся ехиднами для души. Если не отвергнешь их от себя, скоро умрешь» (II, 57—58). Святитель Игнатий в связи с этим строго предупреждает: «Опасно преждевременное бесстрастие! Опасно преждевременное получение наслаждения Божественною благодатию! Дары сверхъестественные могут погубить подвижника, не наученного немощи своей» (I, 532).

Удивительные слова! Для духовно неопытного сама мысль о том, что какая-то добродетель может быть преждевременной, тем более смертельной для души, «ехидной», покажется странной, едва ли не кощунственной. Но именно такова реальность духовной жизни, таков один из ее строгих законов, открытый великим опытом святых. В томе своих сочинений, который святитель назвал «Приношение современному монашеству», в главе «Об осторожности при чтении отеческих книг о монашеской жизни», он прямо пишет: «Падший ангел старается обмануть и вовлечь в погибель иноков, предлагая им не только грех в разных видах его, но и предлагая несвойственные им возвышеннейшие добродетели» (V, 54).

Правильная молитва

Указанные мысли имеют прямое отношение к пониманию важнейшего христианского делания — молитвы. Святитель Игнатий, говоря согласно со всеми святыми, что «молитва есть мать добродетелей и дверь ко всем духовным дарам» (II, 228), настоятельно указывает на условия, только при соблюдении которых она является таковой. Нарушение их, оказывается, делает молитву в лучшем случае бесплодной, но большей частью — средством глубокого падения подвижника. Некоторые из этих условий хорошо известны. Кто не прощает других, тот не будет прощен. «Кто молится устами, а о душе небрежет и сердца не хранит, такой человек молится воздуху, а не Богу, и все трудится, потому что Бог внимает уму и усердию, а не многоречию», — говорит очень почитаемый святителем Игнатием русский подвижник священноинок Дорофей (II, 266). Но особое внимание святитель уделяет условиям совершения молитвы Иисусовой. В силу большого значения ее для каждого христианина сделаем краткую выписку из замечательной статьи святителя Игнатия «О молитве Иисусовой. Беседа старца с учеником».

«В упражнении молитвой Иисусовой есть свое начало, своя постепенность, свой конец бесконечный. Необходимо начинать упражнение с начала, а не с середины и не с конца...

Начинают с середины те новоначальные, которые, прочитав наставление... данное отцами-безмолвниками... необдуманно принимают это наставление в руководство своей деятельности. Начинают с середины те, которые без всякого предварительного приготовления усиливаются взойти умом в сердечный храм и оттуда воссылать молитву. С конца начинают те, которые ищут немедленно раскрыть в себе благодатную сладость молитвы и прочие благодатные действия ее.

Должно начинать с начала, то есть совершать молитву со вниманием и благоговением, с целью покаяния, заботясь единственно о том, чтобы эти три качества постоянно соприсутствовали молитве... Особенное попечение, попечение самое тщательное, должно быть принято о благоустройении нравственности сообразно учению Евангелия... Единственно на нравственности, приведенной в благоустройство евангельскими заповедями... может быть воздвигнут... невещественный храм богоугодной

молитвы. Тщетен труд зиждущего на песке: на нравственности легкой, колеблющейся» (I, 225—226).

Из этой цитаты видно, насколько внимательным и благоговейно осторожным должно быть отношение к молитве Иисусовой. Она должна совершаться не как-нибудь, а правильно. В противном случае упражнение в ней не только перестает быть молитвой, но может погубить христианина. В одном из писем святитель Игнатий говорит, каким должен быть настрой души при молитве: «Сегодня я прочитал то изречение Великого Сисоя, которое мне всегда особенно нравилось, всегда было мне особенно по сердцу. Некоторый инок сказал ему: “Я нахожусь в непрестанном памятовании Бога”. Преподобный Сисой отвечал ему: “Это не велико; велико будет то, когда ты сочтешь себя хуже всей твари”. Высокое занятие непрестанное памятование Бога! Но эта высота очень опасная, когда лестница к ней не основана на прочном камне смирения» (IV, 497).

В связи с этим следует отметить, что, по словам монаха Меркурия, «признак непрестанности и самодейственности в совершении Иисусовой молитвы отнюдь не является

признаком ее благодатности, потому что не гарантирует... тех плодов, которые всегда указывали на ее благодатность». «Духовная борьба, результатом и целью которой является приобретение смирения, подменяется у некоторых иной (промежуточной) целью: приобретением непрестанной и самодвижной Иисусовой молитвы, которая... не является конечной целью, а лишь одним из средств ее достижения»¹.

Глинский старец архимандрит Серафим (Романцов) замечательно сказал одному монаху, у которого четки сверкали, как ланки белки в колесе: «Никакой молитвы у тебя нет, ты просто привык к ее словам, как некоторые привыкают к ругани»². Опасность такого привыкания состоит в том, что человек не только остается без молитвы, но еще может начать и гордиться своей молитвенностью.

Внимание — то необходимое условие, без которого, как пишет святитель Игнатий (Брянчанинов), любая молитва «не молитва.

¹ Меркурий, мн. В горах Кавказа. «Паломник», 1996. С. 7–8.

² Цит. по: Рафаил (Карелин), архим. На пути от времени к вечности. С. 218.

Она мертва! Она — бесполезное, душевредное, оскорбительное для Бога пустословие»¹.

Молитвой может быть названо только искреннее, внимательное, сердечное — насколько это возможно — покаянное обращение к Богу. Святитель Игнатий (Брянчанинов) писал об этом: «Существенными принадлежностями молитвы должны быть внимание, заключение ума в слова молитвы, крайняя неспешность при произнесении ее и сокрушение духа».

Отцы авторитетнейшего сборника аскетических писаний древней Церкви «Добротолюбие» решительно запрещают во время молитвы представление себе образов Христа, Богоматери, святых и говорят о необходимости сохранения ума безвидным. Например, преподобный Симеон Новый Богослов, рассуждая о тех, кто на молитве «воображает блага небесные, чины ангелов и обители святых», прямо говорит, что «это есть знак прелести»².

¹ СПб., 1905. Т. 2. С. 270.

² *Симеон Новый Богослов, прп.* О трех образах молитвы // *Добротолюбие*. М., 1900. Т. 5. С. 463.

Прелесть

*П*оследние слова святителя указывают на еще один чрезвычайно ответственный момент в духовной жизни, на смертельную опасность, грозящую подвижнику неопытному, не имеющему ни истинного наставника, ни правильных теоретических духовных знаний, — на возможность впадения в прелесть. Термин этот, часто употребляемый Святыми Отцами, замечателен тем, что точно вскрывает само существо названной духовной болезни: лезть себе, самообман, мечтательность, мнение о своем достоинстве и совершенстве, гордость.

Святитель Игнатий называет главным источником этой тяжелой болезни — гордость. Преподобный Григорий Синаит (XIV век) пишет: «Прелесть, говорят, в двух видах является, или, лучше, находит... — в виде мечтаний и воздействий, хотя в одной гордости имеет начало свое и причину... Первый образ прелести — от мечтаний. Второй образ прелести... начало свое имеет... в сладострастии, рождающемся от естественного похотения. В сем состоянии прельщенный берется пророчествовать, дает ложные предсказания... Бес непотребства, омрачив ум

их сладострастным огнем, сводит их с ума, мечтательно представляя им некоторых святых, давая слышать слова их и видеть лица»¹.

Каково же главное лекарство от этой болезни? «Как гордость есть вообще причина прелести, так смирение... служит верным предостережением и предохранением от прелести... Да будет наша молитва проникнута чувством покаяния, да соединится она с плачем, и прелесть никогда не воздействует на нас» (I, 228).

Еще об одной из наиболее распространенных причин прелести святитель Игнатий пишет так: «Не без основания относят к состоянию самообольщения и прелести душевное настроение тех иноков, которые, отвергнув упражнение молитвою Иисусовою и вообще умное делание, удовлетворяются одним внешним молением, то есть неопустительным участием в церковных службах и неопустительным исполнением келейного правила, состоящего исключительно из псалмопения и молитвословия устных и гласных... Они не могут избежать

¹ Григорий Синаит, *прп.* Главы о заповедях и догматах. Гл. 131 // Добротолюбие. М., 1900. Т. 5. С. 214.

“мнения” ... Устное и гласное моление тогда плодоносно, когда оно сопряжено со вниманием, что встречается очень редко, потому что вниманию научаемся преимущественно при упражнении молитвою Иисусовою» (I, 257–258).

Естественно, что это замечание относится не только к инокам, но и ко всем христианам. Поэтому святитель Игнатий, говоря о прелести, напоминает: «Мнящий о себе, что он бесстрастен, никогда не очистится от страстей; мнящий о себе, что он исполнен благодати, никогда не получит благодати; мнящий о себе, что он свят, никогда не достигнет святости. Просто сказать: приписывающий себе духовные делания, добродетели, достоинства, благодатные дары, льстящий себе и потешающий себя мнением, шграждает этим мнением вход в себя и духовным деланиям, и христианским добродетелям, и Божественной благодати, — открывает широко вход греховной заразе и демонам. Уже нет никакой способности к духовному преуспеянию у зараженных мнением» (I, 243).

«Все святые признавали себя недостойными Бога: этим они явили свое достоинство, состоящее в смирении. Все самообольщенные

считали себя достойными Бога: этим явили объявшаю их души гордость и бесовскую прелесть. Иные из них приняли бесов, представших им в виде ангелов, и последовали им... Иные возбуждали свое воображение, разгорячали кровь, производили в себе движения нервные, принимали это за благодатное наслаждение и впали в самообольщение, совершенное омрачение, причислились по духу своему к духам отверженным (II, 126).

Католицизм

Глубоко ошибочно было бы думать, что прелесть — явление, возникающее на почве специфически православной. В своей статье «О прелести» святитель Игнатий прямо пишет: «Прелесть есть состояние всех человеков, без исключения, произведенное падением праотцев наших. Все мы в прелести. Знание этого есть величайшее предохранение от прелести. Величайшая прелесть — признавать себя свободным от прелести. Все мы обмануты, все обольщены, все находимся в ложном состоянии, нуждаемся в освобождении истинною. Истина есть Господь наш Иисус Христос» (I, 230).

Очень насущны для нашего времени суждения святителя Игнатия о западных, католических подвижниках. В полном согласии с прочими святыми Православной Церкви он свидетельствовал: «Большая часть подвижников Западной Церкви, провозглашаемых ею за величайших святых — по отпадении ее от Восточной Церкви и по отступлении Святого Духа от нее — молились и достигали видений, разумеется, ложных, упомянутым мною способом... В таком состоянии находился Игнатий Лойола, учредитель иезуитского ордена. У него воображение было так разгорячено и изощрено, что, как сам он утверждал, ему стоило только захотеть и употребить некое напряжение, как являлись перед его взорами, по его желанию, ад или рай... Известно, что истинным святым Божиим видения даруются единственно по благоволению Божию и действием Божиим, а не по воле человека и не по его собственному усилию, — даруются неожиданно, весьма редко... Усиленный подвиг находящихся в прелести обыкновенно стоит рядом с глубоким развратом. Разврат служит оценкою того пламени, которым разожжены прельщенные» (I, 244).

Святитель указывает и на другие скрытые от внешнего взора причины прелестных

состояний западных подвижников. Так, он пишет: «Кровь и нервы приводятся в движение многими страстями: и гневом, и сребролюбием, и сластолюбием, и тщеславием. Последние две чрезвычайно разгорячают кровь в подвижниках, незаконно подвизающихся, соделывают их исступленными фанатиками. Тщеславие стремится преждевременно к духовным состояниям, к которым человек еще неспособен по нечистоте своей; за недостижением истины — сочиняет себе мечты. А сладострастие, присоединяя свое действие к действию тщеславия, производит в сердце обольстительные, ложные утешения, наслаждения и упоения. Такое состояние есть состояние самообольщения. Все незаконно подвизающиеся находятся в этом состоянии. Оно развивается в них больше или меньше, смотря по тому, сколько они усиливают свои подвиги. Из этого состояния написано западными писателями множество книг» (IV, 499).

Интересно отметить, что святитель Игнатий (изучавший католическую аскетическую литературу не по переводам, а в латинских подлинниках) указывает и конкретные временные координаты отступления католических аскетов от опыта святых единой

Вселенской Церкви. Он пишет: «Преподобный Венедикт [† 544], святой папа Григорий Двоеслов [† 604] еще согласны с аскетическими наставниками Востока; но уже Бернард Клервосский (XII век) отличается от них резкою чертою; позднейшие уклонились еще более. Они тотчас влекутся и влекут читателей своих к высотам, недоступным для новоначального, заносятся и заносят. Разгоряченная... мечтательность заменяет у них все духовное, о котором они не имеют ни малейшего понятия. Эта мечтательность признана ими благодатию» (IV, 498).

Наставник

Оказаться в таком бедственном состоянии может, к сожалению, любой верующий, каждый — стремящийся к святости, если будет жить по своему разумению, без истинного духовного наставника, без руководства святоотеческих Писаний.

Но если понимание наставлений Святых Отцов — задача не всегда простая, то еще более трудным для нашего времени является обретение истинного наставника. Ошибка же в его выборе может стать роковой для верующего.

Важнейшее, о чем говорят Святые Отцы, это:

1. об оскудении в последние времена духоносных наставников, видящих души людей (святитель Игнатий: «Богодуховенных наставников нет у нас!» (I, 274));
2. о необходимости с большой осторожностью выбирать руководителя и огромной опасности принять бездуховного «старца» за духовника;
3. о правильном отношении к духовнику (послушание, совет).

Приведем мысли Святых Отцов по этим вопросам.

Об отсутствии духоносных наставников. Уже преподобный Симеон Новый Богослов в X веке говорит, что трудно найти руководителя бесстрастного и святого, «что во дни сии много явилось прелестников и лжеучителей»¹. Прп. Нил Сорский (1423–1508) в предисловии к книге: «Предание учеником своим» пишет: «И се убо реша Святые Отцы: яко и тогда едва обреташеся учитель непрелестен таковым вещем; ныне же, до зела оскудевшим, подобает искати люботрудне»².

¹ Добротолюбие. М., 1890. Т. 5. С. 17.

² Нил Сорский, прп. Предание учеником своим. М. 1849. С. 25.

Святой Григорий Синаит [XIV век] решил сказать, что «в его время вовсе нет благодатных мужей, так сделались они редки...». Святитель Игнатий продолжает: «Тем более в наше время делателю молитвы необходимо наблюдать величайшую осторожность. Богодухновенных наставников нет у нас!» (I, 274).

«Отцы, отдаленные от времен Христовых тысячелетием, повторяя совет предшественников, уже жалуются на редкость богодухновенных наставников, на появившееся множество лжеучителей и предлагают в руководство Священное Писание и отеческие писания. Отцы, близкие к нашему времени, называют богодухновенных руководителей достоянием древности и уже решительно завещают в руководство Священное и святое Писание, проверяемый по этим Писаниям, принимаемый с величайшей осмотрительностью и осторожностью совет современных... братьев» (I, 563).

Преподобный Нил Сорский: «Ныне, по причине совершенного оскудения духовных наставников, подвижник молитвы вынужден исключительно руководствоваться Священным Писанием и писаниями Отцов» (I, 229).

О выборе духовника. Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин (V век): «Полезно открывать свои помыслы отцам, но не каким попало, а старцам духовным, имеющим рассуждение, старцам не по телесному возрасту и сединам. Многие, увлекшись наружным видом старости и высказав свои помышления, вместо врачевства получили вред» (I, 491). Преподобный Иоанн Лествичник (VI век): «Когда мы... желаем... вверить спасение наше иному, то еще прежде вступления нашего на сей путь, если мы имеем сколько-нибудь проницательности и рассуждения, должны рассматривать, испытывать и, так сказать, искусить сего кормчего, чтобы не попасть нам вместо кормчего на простого гребца, вместо врача на больного, вместо бесстрастного на человека обладаемого страстями, вместо пристани в пучину, и таким образом не найти готовой гибели» (Лествица. Слово 4. Гл. 6).

Преподобный Симеон Новый Богослов (X век): «Молитвами и слезами умоли Бога послать тебе бесстрастного и святого руководителя. Также и сам исследуй Божественные писания, особенно же практические сочинения Святых Отцов, чтобы, сравнивая

с ними то, чему учит тебя учитель и предстоятель, ты смог видеть это, как в зеркале, и сопоставлять, и согласное с Божественными писаниями принимать внутрь и удерживать в мысли, а ложное и чуждое выявлять и отбрасывать, чтобы не прельститься. Ибо знай, что много в эти дни стало прельстителей и лжеучителей» (Добротолюбие. Т. 5. Гл. 33).

«Святой Макарий Великий (IV–V века) говорил, что ... встречаются души, соделавшиеся причастниками Божественной благодати... вместе с тем, по недостатку деятельной опытности, пребывающие как бы в детстве, в состоянии очень неудовлетворительном ... которое требуется истинным подвижничеством» (I, 284). «В монастырях употребляется о таких старцах изречение: “свят, но не искусен”, и наблюдается осторожность в советовании с ними... чтобы не вверяться поспешно и легкомысленно наставлениям таких старцев» (I, 285). Святой Исаак Сирин говорит даже, что такой старец «недостойн называться святым» (I, 286).

Святитель Феофан (Говоров): «При определении их [духовников] должно употребить великую осмотрительность и строгое

рассуждение, чтобы вместо пользы не нанести вред, вместо созидания разорение»¹.

О взаимоотношениях духовника и пасомых и правильном отношении к духовнику. «Всякий духовный наставник должен приводить души к Нему [Христу], а не к себе... Наставник пусть, подобно великому и смиренному Крестителю, стоит в стороне, признает себя за ничто, радуется своему умалению пред учениками, которое служит признаком их духовного преуспевания... Охранитесь от пристрастия к наставникам. Многие не остереглись и впали вместе с наставниками в сеть диаволу... Пристрастие делает любимого человека кумиром: от приносимых этому кумиру жертв с гневом отвращается Бог... И теряется напрасно жизнь, погибают добрые дела. И ты, наставник, охранись от начинания греховного! Не замени для души, к тебе прибегшей, собою Бога. Последуй примеру святого Предтечи» (IV, 519).

О послушании. «Те старцы, которые принимают на себя роль [старца]... (употребим это неприятное слово)... в сущности, не что

¹ *Феофан (Говоров), свт.* Что потребно покаявшемуся и вступившему на добрый путь спасения. МДА «Новая книга», 1995. С. 87.

нное, как душепагубное актерство и печальнейшая комедия. Старцы, которые принимают на себя роль древних святых Старцев, не имея их духовных дарований, да ведают, что самое их намерение, самые мысли и понятия их о великом иноческом делании — послушании, суть ложные, что самый их образ мыслей, их разум, их знание суть самообольщение и бесовская прелесть...» (V, 72).

«Возразят: вера послушника может заменить недостаточность старца. Неправда: вера в истину спасает, вера в ложь и в бесовскую прелесть губит, по учению Апостола» (см. 2 Сол. 2, 10—12) (V, 73).

«Если же руководитель начнет искать послушания себе, а не Богу, — недостойн он быть руководителем ближнего! — Он не слуга Божий! — Слуга диавола, его орудие, есть сеть! Не делайтесь рабами человек (1 Кор. 7, 23), — завещает Апостол»¹.

«Гшеславие и самомнение любят учить и наставлять. Они не заботятся о достоинстве своего совета! Они не помышляют, что могут нанести ближнему неисцельную язву нелепым советом, который принимается

¹ *Илиатий (Брянчанинов), свт.* Собрание писем. М. — СПб., 1995. № 159. С. 303.

неопытным новоначальным с безотчетливой доверчивостью, с плотским и кровавым разгорячением! Им нужен успех, какого бы ни был качества этот успех, какое бы ни было его начало! Им нужно произвести впечатление на новоначального и нравственно подчинить его себе! Им нужна похвала человеческая! Им нужно прослыть святыми, разумными, прозорливыми старцами, учителями! Им нужно напитать свое ненасытное тщеславие, свою гордыню!» (V, 77)

Поэтому необходимо разлучение со «слепым» духовником, по заповеди Спасителя: ... оставьте их, они — слепые вожди слепых; а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму (Мф. 15, 14). «Преподобный Пимен Великий (V век) повелел немедленно разлучаться со старцем, совместное жительство с которым оказывается душевредным» (V, 74).

О жизни по совету. «Преподобный Нил Сорский (XV в.) никогда не давал наставления или совета прямо от себя, но предлагал вопрошающим или учение Писания, или учение Отцов. Когда же... он не находил в памяти освященного мнения о какомлибо предмете, то оставлял ответ или исполнение до того времени, как находил наставление в Писании. Этот метод очевиден из сочинений священ-

номученика Петра Дамаскина, прп. Григория Синаита, святых Ксанфопулов и других Отцов, особенно позднейших. Его держались перосхимонахи Оптиной пустыни Леонид и Макарий... Никогда не давали они советов от себя... Это давало советам их силу» (I, 489). «По учению Отцов, жительство ...единственно приличествующее нашему времени, есть жительство под руководством отеческих писаний с советом преуспевших современных братий; этот совет опять должно проверять по писанию Отцов» (I, 563).

«Скромное отношение советника к наставляемому — совсем иное, нежели старца к безусловному послушнику... Совет не включает в себе условия непременно исполнить его: он может быть исполнен и не исполнен» (V, 80).

«Никак не будь послушен на зло, если бы и случилось тебе потерпеть за нечеловекоугодие и твердость твои некоторую скорбь. Советуйся с добродетельными и разумными отцами и братьями; но усваивай себе советы их с крайней осторожностью и осмотрительностью. Не увлекайся советом по первоначальному действию его на тебя!» (V, 77).

Святитель Феофан (Говоров): «Так вот какой ныне лучший, благонадежнейший

способ руководства, или воспитания в жизни христианской! Жизнь в преданности в волю Божию по Божественным и отеческим Писаниям с совета и вопрошения единомышленных»¹.

Таков голос Священного Предания Церкви по поводу одного из самых болезненных вопросов современной духовной жизни.

Истина одна

Прелесть, как видим, возникает у тех, которые живут не по святоотеческим началам, а по своим мыслям, желаниям и пониманию, ищут у Бога не спасения от греха, а благодатных наслаждений, откровений, даров. Их обычно и «получает» в изобилии горе-подвижник в своем разгоряченном воображении действием темных сил. Прелесть поэтому — не один из возможных и тем более равноценных вариантов духовности, не особый, свой путь к Богу (как называют католическую мистику ее апологеты), но тяжелая болезнь, не поняв которой

¹ *Феофан (Говоров), свт.* Что потребно покаявшемуся и вступившему на добрый путь спасения. МДА, «Новая книга», 1995. С. 72–73.

и не оценив должным образом, подвижник разлагается изнутри.

Отход какой-то христианской общины или Поместной Церкви от принципов духовной жизни, открытых и освященных великим опытом Церкви, неминуемо ведет ее к потере понимания истинной святости и прославлению откровенных искажений. К таким же губительным последствиям приводит и каждого отдельного верующего отступление от царского пути духовной жизни, проложенного подвижническими стопами святых.

Особенно часто прорывы к «высотам» наблюдаются у новообращенных и юных подвижников, не познавших еще своего ветхого человека, не освободившихся от страстей и уже ищущих состояний человека нового, совершенного. Недаром у Святых Отцов есть выражение: «Если увидишь юношу, по своей воле восходящего на небо, удержи его за ногу и сбрось оттуда, ибо ему это полезно»¹. Причина подобных ошибок очевидна: незнание законов духовной жизни, незнание себя. Святитель Игнатий по этому поводу приводит следующие замечательные слова святого Исаака Сирина: «Если некоторые из Отцов

¹ Древний патерик. М., 1874. Гл. 10. П. 159.

написали о том, что есть чистота души, что есть здравие ее, что бесстрашие, что видение, то написали не с тем, чтобы мы искали их преждевременно и с ожиданием. Сказано в Писании: *Не придет Царствие Божие с соблюдением* (Лк. 17, 20). Те, в которых живет ожидание, стяжали гордыню и падение. Искание с ожиданием высоких Божиих даров отвергнуто Церковью Божией. Это — не признак любви к Богу; это — недуг души». Святитель Игнатий заключает эту мысль такими словами: «Святые Отцы Восточной Церкви, особенно пустынножители, когда достигали высоты духовных упражнений, тогда все эти упражнения сливались в них в одно покаяние. Покаяние обнимало всю жизнь их, всю деятельность их: оно было последствием зрения греха своего» (II, 125—126).

В этом видении греха своего, рождающего истинное смирение и *покаяние нераскаянно*, то есть твердое, неизменное (2 Кор. 7, 10), и заключается единственно надежная, непоколебимая основа правильной духовной жизни, приводящая христианина к святости.

ЦЕРКОВЬ И СВЯТОСТЬ

Церковь и верующий

Членство в Церкви обусловлено не простым фактом принятия верующим Крещения, Евхаристии и других Таинств, но еще и особой причастностью Духу Святому. Об этом писали, можно сказать, все Святые Отцы. Преподобный Серафим Саровский в одной из бесед говорил: «Цель жизни христианской состоит в стяжании Духа Божия, и это цель жизни всякого христианина, живущего духовно»¹.

Не каждый по своим внешним показателям член Церкви пребывает в ней. Эта мысль на первый взгляд кажется странной: разве в Таинствах христианин не получил Духа Святого? А если получил, то о каком еще приобщении Ему может идти речь? Этот вопрос имеет принципиальное значение для понимания святости в Православии.

¹ О цели христианской жизни. Сергиев Посад, 1914. С. 41.

Ступени жизни

Если ветхая (Еф. 4, 22) природа наследовалась потомками Адама в естественном порядке, то рождение от *Второго Адама* (1 Кор. 15, 45, 47) и приобщение Духу Святому происходит через сознательно-волевой процесс личной активности, имеющий две принципиально различные ступени.

Первая, когда уверовавший духовно рождается в Таинстве Крещения, получая *семя* (Мф. 13, 3–23) Нового Адама и тем самым становясь членом Его Тела — Церкви. Преподобный Симеон Новый Богослов говорит: «...уверовавший в Сына Божия... кается... в прежних грехах своих и очищается от них в Таинстве Крещения. Тогда Бог Слово входит в крещеного, как в утробу Приснодевы, и пребывает в нем, как семя»¹. Но Крещением человек не превращается «автоматически» из *ветхого человека* (Еф. 4, 22) в *нового* (Еф. 4, 24). Очищаясь от всех личных грехов своих и уподобляясь тем первоначальному Адаму, верующий в Крещении тем не менее сохраняет «страстность», «тленность» и «смертность»²

¹ Прп. Симеон Новый Богослов. // ЖМП, 1980. №3. С. 67.

² Максим Исповедник, прп. Творения Кн. 2: Вопросы-ответы к Фалассию. «Мартис», 1993. Вопрос 42. С. 111.

согрешивших прародителей, в нем остается унаследованное от родителей и предков духовное расстройство души (родовой грех), удобопреклонность ко греху.

Поэтому та святость, к которой человек призван, просто Таинством Крещения, «механически»¹, не дается. Этим Таинством полагается лишь ее начало, а не свершение, человеку дается лишь семя, но не само древо, приносящее плоды Духа Святого.

Второй ступенью является та правильная (праведная) духовная жизнь, благодаря которой верующий *возрастает в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова* (Еф. 4, 13) и становится способным к принятию особого освящения Духом Святым. Ибо семя Крещения у христиан *лукавых и ленивых* (Мф. 25, 26) так и остается непроросшим и потому *бесплодным* (Ин. 12, 24), но, попадая на добрую землю, дает всходы и приносит соответствующий плод. Этот плод (а не семя) и означает искомое приобщение

¹ *Феофан (Говоров), свт.:* Но надо при сем иметь в мысли, что в сем умертвии греху через крещение ничего не бывает механически, а все совершается с участием нравственно-свободных решимостей самого человека» (Толкование первых восьми глав послания св. ап. Павла к Римлянам. М., 1890. С. 332).

Духу Святому — святость. Притча о закваске, которую женщина, *взяв, положила в три меры муки, доколе не вскисло все* (Мф. 13, 33), наглядно выражает характер этого таинственного изменения человека и его приобщения Духу Святому в Церкви и действительное значение в этом процессе Таинств. Как закваска, положенная в тесто, оказывает свое действие постепенно и при вполне определенных условиях, так и «закваска» Крещения «переквашивает» *плотского человека в духовного* (1 Кор. 3, 1–3), *в новое тесто* (1 Кор. 5, 7) не моментально, не магически, но во времени, при соответствующем духовно-нравственном его изменении, указанном в Евангелии. Таким образом, от христианина, получившего *талант оправдания даром* (Рим. 3, 24), *зависит погубить его в земле своего сердца* (Мф. 25, 18) или умножить.

Последнее и означает особое приобщение Духу Святому крещеного. И это один из важнейших принципов православного понимания духовной жизни, христианского совершенства, святости. Просто и кратко он был выражен преподобным Симеоном Новым Богословом: «Все старания и весь подвиг его (христианина — А. О.) должен быть обращен на то, чтобы стяжать Духа Святого, ибо

в этом и состоит духовный закон и благобытие»¹. Итак, оказывается, верующему, получившему в таинствах полноту даров Духа Святого, требуется еще особое Его «стяжание», которое и есть святость.

Писание и Церковь

Существует, на первый взгляд, как бы некое разногласие между понятием святости в Священном Писании, особенно Нового Завета, и традицией Церкви. Апостол Павел, например, называет святыми всех христиан, хотя по своему нравственному уровню среди них были и люди, далекие от святости (ср.: 1 Кор. 6, 1–2). Напротив, с самого начала существования Церкви и во все последующие времена святыми ею преимущественно именовались христиане, отличающиеся особой духовной чистотой и ревностью христианской жизни, подвигом молитвы и любви, мученичеством за Христа и т. д.

Однако оба этих подхода означают не различие в понимании святости, но лишь оценку одного и того же явления на разных уровнях.

¹ Симеон Новый Богослов, *прп.* Слова. М., 1892. Слово 2. С. 30.

Новозаветное употребление термина исходит из того, какими призваны быть верующие, давшие *обещание Богу доброй совести* (1 Пет. 3, 21) и получившие дар благодати Крещения, хотя в настоящий момент и являющиеся еще *плотскими*, то есть грешными и несовершенными. Церковная же традиция логически завершает новозаветное понимание, увенчивая ореолом славы тех христиан, которые своей праведной жизнью осуществили это призвание, то есть обе эти традиции говорят об одном и том же — об особой причастности христианина Духу Божию, и обуславливают саму возможность такой причастности степенью ревности верующего в духовной жизни. *Не всякий, говорящий Мне: "Господи! Господи!" войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного... отойдите от Меня, делающие беззаконие* (Мф. 7, 21–23). *Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его* (Мф. 11, 12).

По призванности к иной, новой жизни во Христе Апостол называет всех христиан святыми, и этим наименованием подчеркивает открывшуюся для всех верующих возможность стать *новым творением* (Гал. 6, 15). Ставших *иными* по отношению к миру,

стяжавших Духа Святого и явивших Его силу в нашем мире Церковь с самого начала своего существования называет святыми.

Широкий анализ понятия святости дает в своем труде «Столп и утверждение истины» священник Павел Флоренский. Приведем здесь некоторые его мысли.

«Когда мы говорим о святой купели, о святом Мире, о Святых Дарах, о святом Покаянии, о святом Браке, о святом Елее... и так далее, и так далее и, наконец, о Священстве, какое слово уже включает в себя корень “свят”, то мы прежде всего разумеем именно неотмирность всех этих Таинств. Они — в мире, но не от мира... И такова именно первая, отрицательная грань понятия о святости. И потому, когда вслед за Таинствами мы именуем святым многое другое, то имеем в виду именно особливость, отрезанность от мира, от повседневного, от житейского, от обычного — того, что называем святым... Посему, когда Бог в Ветхом Завете называется Святым, то это значит, что речь идет о Его надмирности, о Его трансцендентности миру...

И в Новом Завете, когда множество раз апостол Павел называет в своих посланиях современных ему христиан святыми, то это

означает в его устах, прежде всего, выделенность христиан из всего человечества...

Несомненно, в понятии святости мыслится, вслед за отрицательной стороной ее, сторона положительная, открывающая в святом реальность иного мира...

Понятие святости имеет полюс нижний и полюс верхний и в нашем сознании непрестанно движется между этими полюсами, восходя вверх и нисходя обратно... И лестница эта, проходимая снизу вверх, мыслится как путь отрицания мира... Но она может рассматриваться и как проходимая в направлении обратном. И тогда она будет мыслиться как путь утверждения мировой реальности через освящение этой последней»¹.

Таким образом, по мысли отца Павла, святость — это, во-первых, чуждость по отношению к миру греха, отрицание его. Во-вторых — она конкретное положительное содержание, ибо природа святости Божественна, она онтологически утверждена в Боге. В то же время святость подчеркивает он, — не моральное совершенство, хотя она и соединена с ним неразрывно, но — «соприсно-сущность неотмирным энергиям». Наконец,

¹ См.: Павел Флоренский, *свящ.* Освящение реальности // Богосл. труды. №17. М., 1977. С. 148–152.

святость есть не только отрицание, отсутствие всякого зла и не только явление иного мира, Божественного, но и незыблемое утверждение «мировой реальности через освящение этой последней».

Эта, третья, сторона святости говорит о том, что она является силой, преображающей не только человека, но и мир в целом так, что *будет Бог все во всем* (1 Кор. 15, 28). В конечном счете все творение должно стать иным (*И увидел я новое небо и новую землю* (Откр. 21, 1)) и являть собой Бога. Но в этом процессе со стороны творения активную роль может играть только человек, потому на него возлагается вся *полнота ответственности за тварь* (Рим. 8, 19–21). И здесь с особой силой открывается значение святых, ставших в условиях земного бытия *начатком* (Рим. 11, 16) будущего всеобщего и полного освящения.

Святые — это прежде всего иные¹ люди, отличные от живущих *по стихиям мира, а не*

¹ Преподобный Макарий Египетский говорит: *«У христиан — свой мир, свой образ жизни, и ум, и слово, и деятельность свои. Таковы же и образ жизни, и ум, и слово, и деятельность у людей мира сего. Иное — христиане, иное — миролюбцы. Между теми и другими расстояние велико»* (Макарий Египетский, прп. Духовные беседы, послания и слова. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1904. Беседа 5. С. 40).

по Христу (Кол. 2, 8). Иные потому, что они борются и с помощью Божией побеждают *похоть плоти, похоть очей и гордость житейскую* (1 Ин. 2, 16), — все то, что порабощает людей мира сего. В этой выделенности святых из мира троякой похоти, из атмосферы греха, можно видеть одну из принципиальных характеристик святости и единство первоначального апостольского и церковно—традиционного ее понимания.

Законы жизни

Своей жизнью святые показали, к какой высоте богоподобия призван и способен человек, и что есть это богоподобие. Оно — та духовная красота (*добра зело* (Быт. 1, 31)), которая является отражением невыразимого Бога¹. Эта красота, данная и заданная человеку в творении, раскрывается, однако, лишь при правильной жизни, именуемой аскетикой. О ней, например, отец Павел Флоренский так писал: «Аскетике... Святые Отцы

¹ Преподобный Симеон Новый Богослов пишет: «Имя (Его) нам неизвестно, кроме имени “Сущий”, неизреченный Бог, как сказал Он» (Исх. 3, 14) (Симеон Новый Богослов, прп. Божественные гимны. Сергиев Посад, 1917. С. 272).

называли... “искусством из искусств”, “художеством из художеств”... Созерцательное ведение, даваемое аскетикою, есть *φιλοχαλία* — “любовь к красоте”, “любо-красие”. Сборники аскетических творений, издавна называющиеся “Филокалиями”, вовсе не суть Добротолюбие в нашем, современном, смысле слова. “Доброта” тут берется в древнем, общем значении, означаящем, скорее, красоту, нежели моральное совершенство, и *φιλοχαλία* значит “красото-любие”. Да и в самом деле, аскетика создает не “добротолюбивого” человека, а “прекрасного”, и отличительная особенность святых подвижников — вовсе не их “доброта”, которая бывает и у плотских людей, даже у весьма грешных, а красота духовная, ослепительная красота лучезарной, светоносной личности, дебелому и плотскому человеку никак недоступная»¹.

Аскетика, являясь наукой о правильной человеческой жизни, имеет, как и любая другая наука, свои исходные принципы, свои критерии и свою цель. Эта последняя может быть выражена различными словами: святость, обожение, спасение, богоподобие,

¹ Павел Флоренский, *свящ.* Столп и утверждение истины. М., 1914. С. 98—99.

Царство Божие, духовная красота и др. Но важно другое — достижение этой цели предполагает вполне определенный путь духовного развития христианина, установленную последовательность, постепенность, предполагает наличие особых законов, скрытых от взоров *прочих* (Лк. 8, 10). На эту последовательность и постепенность указывают уже евангельские *Блаженства* (Мф. 5, 3—12). Святые Отцы, основываясь на долговременном опыте подвижничества, предлагают своего рода лестницу¹ духовной жизни, предупреждая при этом о пагубных последствиях уклонения от нее². Исследование ее законов

¹ Святитель Василий Великий говорит: «Упражнение в добродетели уподобляется лестнице, которую видел некогда блаженный Иаков, которой одна часть была близка к земле и касалась ее, а другая простиралась выше самого неба» (Василий Великий, *свт.* Творения. М., 1891. Ч. 1. С. 155). «Лествица» прп. Иоанна четко проводит эту идею взаимообусловленности как добродетелей, так и страстей в духовной жизни христианина.

² Святой Исаак Сирин говорит: «Каждая добродетель есть мать другой добродетели. Поэтому, если оставишь мать, рождающую добродетели, и пойдешь искать дочерей прежде, нежели отыщешь мать их, то оные добродетели оказываются для души ехиднами. Если не отринешь их от себя, то скоро умрешь» (Прп. Исаак Сирин. Слова подвижнические. М., 1858. Слово 72. С. 528).

является главнейшей религиозной задачей, и в конечном счете все прочие знания богословского характера сводятся к пониманию духовной жизни, без чего они полностью утрачивают свое значение. Эта тема очень обширна, поэтому здесь остановимся лишь на двух главнейших ее составляющих: смирении и любви.

По единогласному учению Отцов, на смирении зиждется все здание христианского совершенства, без него невозможны ни правильная духовная жизнь, ни приобретение каких-либо даров Духа Святого. Что же такое христианское смирение? По Евангелию, это прежде всего *нищета духа* (Мф. 5, 3) — состояние души, проистекающее из видения своей греховности и неспособности освободиться от давления страстей своими силами, без помощи Божией. «По непреложному закону подвижничества, — пишет святитель Игнатий (Брянчанинов), — обильное сознание и ощущение своей греховности, даруемое Божественной благодатью, предшествует всем прочим благодатным дарам»¹. Святой Петр Дамаскин называет это видение «началом просвещения души». Он пишет, что при

¹ *Игнатий (Брянчанинов), еп.* Сочинения. Т. 2. С. 334.

правильном подвиге «ум начинает видеть свои согрешения — как песок морской, и это есть начало просвещения души и знак ее здоровья. И просто: душа делается сокрушенною и сердце смиренным и считает себя по истине ниже всех и начинает познавать благодеяния Божии... и собственные недостатки»¹. Это состояние всегда сопряжено с особенно глубоким и искренним покаянием, значение которого невозможно переоценить в духовной жизни. Святитель Игнатий восклицает: «Зрение греха своего и рожденное им покаяние суть делания, не имеющие окончания на земле»². Высказывания Святых Отцов и Учителей Церкви о первостепенной важности видения своей греховности, о нескончаемости покаяния на земле и рожденного ими нового свойства — смирения, бесчисленны.

Что основное в них?

Смирение является единственной добродетелью, которая дает возможность человеку пребывать в так называемом непáдательном состоянии. В этом особенно убеждает история

¹ *Петр Дамаскин, прп.* Творения. Киев, 1902. Кн. 1. С. 33.

² *Игнатий (Брянчанинов), еп.* Сочинения. Т. 2. С. 127.

первозданного человека, обладавшего *всеми дарами Божиими* (Быт. 1, 31), но не имевшего опытного познания своей несамобытности, своей ничтожности без Бога, то есть не имевшего опытного смирения и потому столь легко возомнившего о себе. Опытное же смирение проистекает у человека при условии понуждения себя к исполнению заповедей Евангелия и покаянию. Как говорит преподобный Симеон Новый Богослов: «Тщательное исполнение заповедей Христовых научает человека его немощи»¹. Познание своего бессилия стать духовно и нравственно здоровым, святым без помощи Божией создает твердую психологическую базу для непоколебимого принятия Бога как источника жизни и всякого блага. Опытное смирение исключает возможность нового горделивого мечтания стать, *как боги* (Быт. 3, 5), и нового падения.

По существу, подлинное возрождение христианина и начинается лишь тогда, когда он в борьбе с грехом увидит всю глубину поврежденности своей природы, принципиальную неспособность без Бога исцелиться от страстей и достичь искомой святости. Такое

¹ *Игнатий (Брянчанинов), еп.* Сочинения. Т. 4. С. 9.

самопознание открывает человеку Того, Кто хочет и может спасти его из состояния гибели, открывает ему Христа. Именно этим объясняется столь исключительное значение, придаваемое смирению всеми святыми.

Преподобный Макарий Египетский говорит: «Великая высота есть смирение. И почесть и достоинство есть смиренномудрие»¹. Святитель Иоанн Златоуст называет смирение главной из добродетелей², а преподобный Варсануфий Великий учит, что «смирение имеет первенство среди добродетелей»³. Преподобный Симеон Новый Богослов утверждает: «Хотя много есть видов воздействий Его, много знамений силы Его, первейшее всего другого и необходимейшее есть смирение, так как оно есть начало и основание»⁴. Смирение, приобретаемое правильной христианской жизнью, является фактически новым свойством, неизвестным первозданному Адаму, и оно — единственное твердое

¹ *Макарий Египетский, прп.* Духовные беседы. Троице-Сергиева Лавра, 1904. С. 360.

² *Иоанн Златоуст, свт.* Творения. СПб., 1985. Т. 1. С. 187.

³ *Варсануфий и Иоанн, прпп.* Руководство к духовной жизни. СПб., 1905. С. 297.

⁴ *Симеон Новый Богослов, прп.* Слова. Слово 3. С. 36.

основание непáдательного состояния человека, его истинной святости¹.

Любовь и заблуждение

Если лестница духовной жизни строится на смирении, то увенчивается она той из добродетелей, которая больше всех (см. 1 Кор. 13, 13) и которой именуется Сам Бог (см. 1 Ин. 4, 8), — Любовью. Все прочие свойства нового человека являются лишь ее атрибутами, ее проявлениями. К ней призывает Бог человека, верующему она обетована во Христе. Ею святые более всего прославились, ею побеждали мир, ею в преимущественной степени явили они величие, красоту и благо Божественных обетований человеку. Но как она приобретается и по каким признакам можно отличить ее от недолжных подобиий — вопрос не совсем простой.

¹ Святитель Иоанн Златоуст выражает эту мысль в следующих словах: «Оно (смирение) есть величайшее ограждение, стена несокрушимая, крепость непреодолимая; оно поддерживает все здание, не позволяя ему пасть ни от порыва ветров, ни от напора волн, ни от силы бурь, но ставит его выше всех нападений, делает как бы построенным из адаманта и неразрушимым, и на нас низводит щедрые дары от человеколюбивого Бога» (*Иоанн Златоуст, свт. Творения. СПб., 1898. Т. 4. С. 385*).

Есть два внешне сходных, но принципиально различных по существу состояния любви, о которых говорят аскетические традиции Запада и Востока. Первое — это *душевная любовь* (Иуд. 1, 19; 1 Кор. 2, 14). Она возникает, когда целью подвига ставится развитие в себе чувства любви. Достигается такая «любовь» главным образом путем постоянной концентрации внимания на страданиях Христа и Богородицы, представлением себе различных эпизодов из Их жизни, мысленным участием в них, мечтанием и воображением Их любви к себе и своей любви к Ним и т. п. Эта практика отчетливо просматривается в жизнеописаниях фактически всех наиболее известных и авторитетных католических святых: Анжелы, Франциска Ассизского, Катарини Сиенской, Терезы Авильской, Терезы Младенца Иисуса и др.

На этой почве у них часто возникают нервные экзальтации, доходящие иногда до истерии, длительные галлюцинации, любовные переживания нередко с откровенно сексуальными ощущениями, кровоточащие раны (стигмы). Эти их состояния Католическая церковь оценивает как явления благодатные, как свидетельства достижения ими истинной любви.

В православной аскетике, однако, они оцениваются «как одна обманчивая, принужденная игра чувств, безотчетное создание мечтательности и самомнения»¹, как прелесть, то есть глубочайший самообман. Основная причина такой отрицательной оценки католической мистики заключается в том, что главное внимание в ней обращено на возбуждение душевных чувств, нервов и психики, на развитие воображения, на аскезу тела, а не на духовный подвиг, который, как известно, состоит прежде всего в борьбе со своим ветхим человеком, с его чувствами, желаниями, мечтами, в понуждении к исполнению заповедей Евангелия и покаянию. Без этого, по учению Святых Отцов, невозможно приобрести никаких духовных дарований, никакой истинной любви. Не вливают... вина молодого в мехи ветхие... но вино молодое вливают в новые мехи, и сберегается то и другое (Мф. 9, 17). Вино молодое — Духа Святого, дающего верующему вкусить, как *благ Господь* (Пс. 33, 9) — вливают в того, кто исполнением заповедей и покаянием приобретает смирение и очищается от страстей.

¹ *Игнатий (Брянчанинов), еп.* Соч. Т. 2. С. 57.

Однако путь мечтательной любви проникает и в православную среду. В качестве примера можно привести книгу «Старец Порфирий Кавсокаливит. Житие и слова» (Малоярославец. 2006), в которой описывается жизнь и опыт современного афонского старца Порфирия.

Вот несколько иллюстраций из нее.

Старец Порфирий сообщает о сверхъестественном событии, происшедшем в его юности: «С уверенностью можно сказать одну вещь: старец Димас передал мне дар молитвы и прозорливости в тот час, когда молился в притворе соборного храма Кавсокаливии во имя Святой Троицы». (Отметим, что в тот момент старец Димас даже не знал о присутствии Порфирия.) Эта уверенность отца Порфирия затрагивает один из серьезных вопросов духовной жизни в Православии: когда и как христианин может получить подобные дары Божии? Святоотеческое учение говорит об этом вполне однозначно: Господь, и только Он Сам, а не человек и не через человека, может дать верующему благодатные дары молитвы, прозрения, чудотворения и многие другие. За всю двухтысячелетнюю историю Церкви не было того, чтобы человек передал

человеку дары Божии. К тому же и Бог дарует их лишь после долгого подвига правильной духовной жизни.

Напротив, в языческих религиях передача (и обязательно сознательная) особых оккультных способностей от учителя к ученику действительно существует. Но какое отношение имеют эти передачи к духовным дарам Божиим?! И что означает в таком случае это сообщение с уверенностью отца Порфирия?

Это хорошо видно из его учения о духовной жизни. Оказывается, «два пути ведут нас к Богу: путь суровый и утомительный, с суровыми сражениями против зла, и легкий путь посредством любви. Многие люди избрали суровый путь и «пролили кровь, чтобы принять Дух», доколе не достигли великой добродетели. Я нахожу, что самый краткий и верный путь — это путь любви. Им следуйте и вы...»

Что это за верный путь любви и в чем заключается его легкость? Отец Порфирий отвечает: «Не боритесь за то, чтобы изгнать тьму из клетки своей души. Прodelайте маленькое отверстие, чтобы проник свет и тьма исчезнет. То же в отношении страстей и немощей. Не воюйте с ними, но преобразуйте в силу, презирая зло... Не нужно

ни диавола бояться, ни ада, ничего. Должна царствовать любовь ко Христу...

Оставьте все немощи, чтобы не узнал о них супротивный дух и не стал мучить вас и погружать в уныние. Не делайте никаких усилий к тому, чтобы освободиться от них... И не говорите: «Боже мой, освободи меня от того-то», — например, от гнева, тоски. Нехорошо молиться или думать о какой-либо определенной страсти... Не сражайтесь с искушением напрямую, не просите, чтобы оно ушло, не говорите: «Убери его, Боже мой!» И так далее. Все эти настойчивые «не» просто поражают своим откровенным вызовом Евангелию, учению Святых Отцов.

Христос заповедует бороться с грехом до крови: *если соблазняет тебя рука твоя, отсеки ее... И если нога твоя соблазняет тебя, отсеки ее... И если глаз твой соблазняет тебя, вырви его: лучше тебе с одним глазом войти в Царствие Божие, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную...* (Мк. 9, 43—47).

Церковь Великим постом призывает не просто молиться, но с земными поклонами об очищении от праздности, уныния, любоначалия, празднословия, осуждения.

Святитель Игнатий такой «легкий путь посредством любви» прямо называет душе-

пагубной прелестью. Он пишет: «Всем известно, какое душевное бедствие возникло для иудейских книжников и фарисеев из их неправильного душевного настроения: они сделались не только чуждыми Бога, но и иступленными врагами Его, богоубийцами. Подобному бедствию подвергаются подвижники молитвы, извергшие из своего подвига покаяние, усиливающиеся возбуждать в сердце любовь к Богу, усиливающиеся ощущать наслаждение, восторг; они развивают свое падение, соделывают себя чуждыми Бога, вступают в общение с сатаною, заражаются ненавистью к Святому Духу. Этот род прелести — ужасен; он одинаково душепагубен, как и первый, но менее явен, он редко оканчивается сумасшествием и самоубийством, но растлевет решительно и ум и сердце. По производимому им состоянию ума Отцы назвали его мнением. На этот род прелести указывает святой апостол Павел (Кол. 2,18)» (I, 247).

Афонский старец Ефрем (Мораитис) в своей книге «Отеческие советы» (Саратов, 2006) понуждает: «Подвизайся, чадо мое, ибо путь Божий узок и тернист — не сам по себе, а по причине наших страстей... приложим большой труд, и наши руки будут истекать

кровью, а лицо покроется потом». «Уступками не давай пищи своим страстям... Потрудишься теперь, сколько можешь, ибо со временем, если страсти останутся без надзора, они становятся как бы второй природой, и тогда попробуй-ка совладать с ними! Но если теперь будешь сражаться со страстями законно, как тебе советуют, то освободишься...». «Ради любви Христовой подвизайтесь со всею силою души... Будем подвизаться, чтобы стать сосудами Распятого... Будем сильно подвизаться...»

Отец Порфирий же к чему призывает: оставьте все немощи. Не делайте никаких усилий к тому, чтобы освободиться от них. И не говорите: «Боже мой, освободи меня от того-то», — например, от гнева, тоски. Нехорошо молиться или думать о какой-либо определенной страсти!

Призывая к легкому пути, отец Порфирий «забывает» о главнейшем в духовной жизни — покаянии, о котором все Святые Отцы учат как о необходимейшем условии спасения, и без которого невозможна духовная жизнь ни одного человека. Преподобный Марк Подвижник говорит, что «нет конца покаянию до самой смерти и для малых и для великих!»; святой Исаак Сирин:

«...нет ни одной добродетели, высшей покаяния. Делание его никогда не может достигнуть совершенства»; «Ежечасно надлежит нам знать, что в сии 24 часа дня и ночи имеем мы нужду в покаянии»; святитель Игнатий: «покаяние — единственная дверь, посредством которой можно о Господе обрести пажить спасительную. Вознерадевший о покаянии чужд всякого блага» (VI, 155).

Отец Порфирий призывает вместо сурового и утомительного пути сражений против зла стать на легкий путь любви. Но что это за любовь, как она достигается — об этом ни слова. И это понятно, поскольку истинная любовь к Богу и ближнему приобретается только через борьбу со страстями, немощами, искушениями, через исполнение заповедей Божиих и покаяние. Господь прямо сказал: *Если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди* (Ин. 14, 15). Как же в таком случае можно оценить ту любовь к Богу, которая противопоставляется отцом Порфирием борьбе со страстями?

Может быть, с наибольшей точностью и силой отвечает на этот вопрос святой Исаак Сирин: «Нет способа возбудиться в душе Божественной любви... если она не преобедила страстей. Ты же сказал, что душа твоя

не препобедила страстей и возлюбила любовь к Богу; и в этом нет порядка. Кто говорит, что не препобедил страстей и возлюбил любовь к Богу, о том не знаю, что он говорит. Но скажешь: не говорил я “люблю”, но “возлюбил любовь”. И это не имеет места, если душа не достигла чистоты. Если же хочешь сказать это только для слова, то не ты один говоришь, но и всякий говорит, что желает любить Бога... И слово это всякий произносит, как свое собственное, однако же, при произнесении таких слов движется только язык, душа же не ощущает, что говорит»¹.

Таков закон духовной жизни, таков неложный голос Священного Предания Церкви: «нет способа возбудиться в душе Божественной любви ... если она не препобедила страстей»!

Отсюда можно понять, из какого источника получил отец Порфирий свои потрясающие «откровения» не бороться, не воевать, не делать никаких усилий против искушений, страстей, немощей, тьмы, зла, но идти легким путем любви. Этот источник — мечтательность, и этот «путь» на Западе

¹ *Исаак Сирин, прп.* Слова подвижнические. М., 1858. Слово 55.

известен давно. От него во все времена со всей силой предостерегали Святые Отцы, в том числе и русские. Этот ложный путь глубоко усвоен католическими аскетами всех рангов святости, а затем и протестантами. Все они, «забыв» об очищении сердца от страстей, сразу призывают христианина возноситься «любовью» ко Христу. И этой своей беструдуностью и сладостью мечтательной любви уловляются многие из *малых сих*. От этого пути предостерегали Святые Отцы: «Увидишь молодого, летящего на небо, стащи его за ноги на землю»!

Одной из главных причин столь ярко выраженного антиаскетического учения о духовной жизни, к которому отец Порфирий так настойчиво призывает своих чад, является незнание им святоотеческого духовного опыта жизни. Его «путь» прямо идет в русле таких великих католических подвижников, как Франциск Ассизский, Катарина Сиенская, Тереза Авильская, Тереза Малая, и множества других, которые никогда не держали в руках Отцов Добротолубия и пошли своим мечтательным путем. В незнании наставлений Святых Отцов признается и сам отец Порфирий: «Мне нравились и нравятся книги, написанные Святыми Отцами: Златоустом,

Василием, Григорием Богословом, Григорием Нисским, Григорием Паламой и другими. Но, искренне говорю вам, я не читал их...» Интересно, как может нравиться то, чего не читал? — В мечтах все возможно.

Глубокую оценку легкого пути дает святитель Игнатий, характеризуя книгу «Подражание Иисусу Христу» Фомы Кемпийского: «Книга ведет читателей своих прямо к общению с Богом, без предочищения покаянием, почему и возбуждает особенное сочувствие к себе в людях страстных, незнакомых с путем покаяния, не предохраненных от самообольщения и прелести, не наставленных правильному жителству учением Святых Отцов Православной Церкви. Книга производит сильное действие на кровь и нервы, возбуждает их, — и потому особенно нравится она людям, поработанным чувственности: книгою можно наслаждаться, не отказываясь от грубых наслаждений чувственностью» (I, 255).

Природа истинной христианской любви, как видим, совершенно другая по сравнению со всеми иными ее видами. Согласно Священному Писанию, она есть дар Духа Святого, а не результат собственного нервно-психического напряжения. Апостол

Павел писал: *...любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам* (Рим. 5, 5). Таким образом, это любовь — духовная, она — *совокупность совершенства* (Кол. 3, 14), и, по выражению преподобного Исаака Сирина, есть «обитель духовного и водворяется в чистоте души»¹.

Но дарование этой любви возможно лишь при условии приобретения всех других добродетелей, и в первую очередь смирения, являющегося основанием всей лестницы добродетелей. Святой Исаак Сирин особенно предупреждает об этом. Он говорит: «Одним из святых написано: кто не почитает себя грешником, того молитва не приемлется Господом». Потому «мы область сердца приведем в устройство делами покаяния и житием, благоугодным Богу. Господне же придет само собою, если место в сердце будет чисто и неоскверненно»².

«Священная двоица, — пишет преподобный Иоанн Лествичник, — любовь и смирение; первая возносит, а последняя вознесенных поддерживает и не дает им падать»³. Святитель Тихон, епископ Воронежский,

¹ *Исаак Сирин, прп. Указ. соч. Слово 55. С. 389.*

² *Исаак Сирин, прп. Указ. соч. Слово 55. С. 371–372.*

³ *Лествица. Слово 25. § 37.*

как бы объясняет эти слова: «Если высшая из добродетелей, любовь, по слову апостола, долготерпит, не завидует, не превозносится, не раздражается, николиже отпадает, то это потому, что ее поддерживает и ей споспешествует смирение»¹. Напротив, у христианина «ветхого», не имеющего должного познания себя и опытного смирения, любовь изменчива, непостоянна, смешана с тщеславием, эгоизмом, сластолюбием и т. д., в ней дышит «душевность» и мечтательность².

Таким образом, любовь святых — это не самые возвышенные земные чувства, не результат нервно-психических усилий по возбуждению в себе любви к Богу, но есть дар Духа Святого, и как таковой переживается и проявляется совершенно иначе.

Плоды Духа

Священное Писание и творения святоотеческие постоянно говорят о тех совершенно особых по своей силе и по своему

¹ Тихон Задонский, *свт.* Творения. М., 1899. Т. 2. С. 99.

² См. об этом, например: *Игнатий (Брянчанинов)*, *свт.* Соч. СПб., 1905. Т. 1. С. 253–257; Т. 2. С. 124–125; *Феофан (Говоров)*, *свт.* Письма о христианской жизни. М., 1980. Письма 11, 21.

характеру состояниях радости, блаженства или, выражаясь обыденным человеческим языком, счастья, не сравнимых ни с какими обычными переживаниями. Эти состояния постепенно открываются у христианина, ведущего правильную духовную жизнь.

Чаще всего они передаются словами: любовь и радость, как те высшие понятия, которые означают полноту блаженства человека. Можно было бы без конца приводить слова Писания и Святых Отцов, литургические тексты, подтверждающие это и свидетельствующие о важнейшем факте — о том, что человек по богозданной природе своей, по глубине доступных ему переживаний является существом подобным Тому, Кто есть совершенная Любовь, совершенная Радость и Всеблаженство. Господь говорит апостолам: *Сие сказал Я вам, да радость Моя в вас пребудет и радость ваша будет совершенна* (Ин. 15, 11). *Доныне вы ничего не просили во имя Мое; просите, и получите, чтобы радость ваша была совершенна* (Ин. 16, 24). *А ученики действительно исполнялись радости и Духа Святаго* (Деян. 13, 52).

Иоанн Богослов обращается к своим духовным детям: *Смотрите, какую любовь дал нам Отец, чтобы нам называться и быть*

детьми Божиими... Возлюбленные! мы теперь дети Божии; но еще не открылось, что будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему (1 Ин. 3, 1, 2).

Апостол Павел любовь, радость, мир (Гал. 5, 22) называет в качестве первых плодов Духа. Он же восклицает: *Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? ...я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем (Рим. 8, 35, 38–39).* Он даже говорит, что если христианин не приобретет этого величайшего дара, то он — *медь звенящая или кимвал звучащий... он — ничто*, все его доброделание и подвижничество не принесет никакой пользы (см. 1 Кор. 13, 1–3). Потому молит: *...преклоняю колени мои пред Отцем Господа нашего Иисуса Христа... да даст вам... уразуметь превосходящую разумение любовь Христову, дабы вам исполниться всею полнотою Божиею (Еф. 3, 14, 16, 19).*

Замечательным подтверждением истинности Писания является опыт неисчислимого множества христиан и всех святых, отражен-

ный в их аскетических, литургических, гимнографических и других творениях.

При этом важно отметить, что слезы о грехах, сокрушение сердца, покаяние, постоянно упоминаемые у них и производящие, на первый взгляд, впечатление какого-то уныния, печали, угнетенного состояния, в действительности имеют совершенно иную природу, иной дух. Они для христианина, искренне кающегося и понуждающего себя к жизни по Евангелию, всегда растворяются особым миром души, духовной радостью и потому оказываются дороже всех ценностей земных.

В том и состоит одна из уникальных особенностей правильной христианской жизни, что она чем более открывает человеку падшесть его природы, его греховность и духовную беспомощность, тем сильнее являет ему близость Бога исцеляющего, очищающего, дающего мир душе, радость и многообразные духовные утешения. Эта близость Божия по закону духовному обуславливается степенью приобретаемого христианином смирения, которое делает христианскую душу способной принять Духа Святого, преисполняющего ее величайшего блага — любви.

Опытнейший наставник древнего иночества святой Исаак Сирин дал одну из самых ярких характеристик того состояния, которого достигает истинный подвижник Христов. Будучи спрошен: «Что такое сердце милующее?» — он ответил: это «возгорение сердца у человека о всем творении, о человеках, о птицах, о животных, о демонах и о всякой твари... А посему и о бессловесных, и о врагах истины, и о делающих ему вред ежечасно со слезами приносит молитву, чтобы сохранились и были помилованы... Достигших же совершенства признак таков: если десятикратно в день преданы будут на сожжение за любовь к людям, не удовлетворятся сим, как Моисей... и как... Павел... И прочие апостолы за любовь к жизни людей прияли смерть во всяких ее видах... И домогаются святые сего признака — уподобиться Богу совершенством любви к ближнему»¹.

Примером того, что переживает человек, стяжавший Духа Святого, может служить встреча и беседа преподобного Серафима Саровского с Н. А. Мотовиловым, во время которой по молитве преподобного его собеседник смог ощутить и пережить начатки благих даров Духа Святого и поведать о них

¹ *Исаак Сирин, прп.* Указ. соч. Слово 48. С. 299–302.

миру. «Когда Дух Божий приходит к человеку и осеняет его полнотою Своего наития, — говорил преподобный Серафим, — тогда душа человеческая преисполняется неизреченною радостью, ибо Дух Божий радостотворит все, к чему бы ни прикоснулся Он... Господь сказал: “Царство Божие внутри вас есть”, — а под Царствием Божиим разумел Он благодать Духа Святого. Вот оно-то теперь внутри нас и находится, а благодать Духа Святого отвне осиявает и согревает нас, благоуханием многообразным преисполняя воздух... услаждает чувства наши пренебесным наслаждением и сердца наши напояет радостью неизглаголанною...»¹

Один из недавних наших подвижников благочестия игумен Никон (Воробьев, † 1963) писал о духовном человеке: «Являясь обителем Духа Святого (*вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас* (1 Кор. 3, 16)), он совершенно отличен от душевного, или плотского; он новый человек, а душевный — ветхий. Что в нем нового? Все: ум, сердце, воля, даже тело — все его состояние.

Ум нового (духовного) человека способен постигать отдаленные события, прошлое и многое будущее, постигать суть вещей,

¹ О цели христианской жизни. С. 17–21.

а не только явления, видеть души людей, ангелов и бесов, постигать многое из духовного мира. *Мы имеем ум Христов*, — говорит апостол Павел (1 Кор 2, 16).

Сердце нового человека способно переживать такие состояния, о которых кратко сказано: *...не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* (1 Кор. 2, 9). Апостол Павел пишет даже: *...нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас* (Рим. 8, 18). А преподобный Серафим в согласии с древними Отцами говорит, что если бы человек знал о состояниях блаженства, которые бывают уже здесь, на земле, а тем более в будущей жизни, то согласился бы прожить тысячи лет в яме, наполненной гадами, грызущими его тело, чтобы только приобрести это благо.

Таким же образом и воля нового человека всецело устремляется к любви и благодарности Богу, к желанию во всем творить Его волю, а не свою.

Тело духовного человека тоже изменяется, становится частично подобным телу Адама до падения, способным к «духовным ощущениям» и действиям (хождение по водам,

способность долгое время оставаться без пищи, моментальное преодоление больших расстояний и т. п.).

Словом, духовный человек весь обновляется, делается иным (отсюда прекрасное русское слово «инок») и по уму, и по сердцу, и воле, и телу»¹.

Это иное состояние человека названо Святыми Отцами «обо́жением». Данный термин наиболее точно выражает существо святости. Она есть именно теснейшее единение с Богом, стяжание Духа Святого, о котором говорил преподобный Серафим. Она — *Царство Божие, пришедшее в силе* (Мк. 9, 1) в тех верующих, о которых Спаситель сказал: *Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками; будут брать змей; и если что смертоносное выпьют, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы* (Мк. 16, 17–18). Эти знамения являются одним из очевидных указаний на то, что святость есть единство с Духом Господним (см. 1 Кор. 6, 17), *Который есть Бог, творящий чудеса* (Пс. 76, 15).

¹ *Никон, игум.* Письма духовным детям. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1991. С. 119.

**ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ О ВЕРЕ,
МОЛИТВЕ И СМЫСЛЕ ЗЕМНОЙ
ЖИЗНИ**

В религиозной жизни бывают вопросы, ответы на которые человек находит интуитивно. Но, доверяя своей интуиции, можно совершить ошибку и получить неверное представление об очень важных явлениях.

Как понимать молитвы перед определенными чудотворными иконами, определенным святым в разных случаях жизни?

Существует мудрое изречение: «Нет такой доброй вещи, которую нельзя было бы испортить». Вот и здесь: хорошее дело молиться перед иконами, обращаться к святым с просьбой помолиться Богу о наших нуждах и скорбях — как это мы делаем, прося молитв друг у друга. Но это хорошее нередко искажается языческим сознанием, когда на определенную молитву или икону конкретного святого начинают смотреть как на своего рода магическую силу, с помощью которой можно получить желаемое: «Нужно именно эту молитву читать и столько раз,

перед такойто иконой молиться (перед другой не поможет), этому (а не другому) святому и т. д.», то есть каждая икона, каждый святой, каждая молитва, оказывается, заведуют своей областью, и потому нужно знать, кому и как молиться, иначе и результата не будет! По этой, главным образом, причине изначальное в человечестве единобожие деградировало в многобожие, шаманство и прочие глупости человеческие, ибо Единый Бог при такой «специализации» святых постепенно становился ненужным.

Процесс угасания истинной веры в Бога и возрастания разных верований и суеверий сейчас, к сожалению, все более усиливается. Его очень активно подпитывают всевозможные «молитвословы», специальные книги, брошюры, в которых все разложено по полочкам, предлагается богатая рецептура: какому святому, перед какой иконой, когда и как молиться от какой болезни, от какой печали. Так нашу веру под вполне православной формой превращают в суеверие, а люди в результате остаются без плода и духовного, и земного!

Забывается главное. Во-первых, что святые это только сомолитвенники наши к Богу, а не «боги», по своей воле исполняющие или

отвергающие человеческие просьбы, во-вторых, икона это лишь образ Первообраза, и любая молитва (как и все прочее, даже Таинства церковные) тогда и только тогда становится действенной и спасительной, когда обращаемся к Первообразу и правильно совершаем ее. Правильность заключается и в том, что человек верит в силу Божию, а не в силу этой иконы, этой молитвы. Тогда Господь правильно верующему может оказать Свою милость и через икону, молитвы святого, и многими другими способами. Святитель Феофан (Говоров) писал, что некоторые иконы бывают чудотворными, так угодно Богу. Сила тут не в иконе и не в людях прибегающих, а в Божией милости, то есть икона является только тем видимым образом, который помогает нашему уму и сердцу обратиться к милости Невидимого. Нельзя забывать древней заповеди: «Не сотвори себе кумира!»

Некоторые иконы считаются чудотворными, как возникает их почитание?

Первое же чудо, которое совершается перед иконой, естественно, привлекает к себе внимание страдающих, бедствующих, жаждущих освободиться от своих недугов

и скорбей. Многие спешно идут туда, где произошло чудо. И хотя далеко не все получают просимое, тем не менее и чудес, и рассказов о них бывает достаточно, чтобы данная икона стала особо почитаемой, чудотворной.

Как можно осмыслить это явление Божией милости к человеку?

И просили Его, чтобы только прикоснуться к краю одежды Его; и которые прикасались, исцелялись (Мф. 14, 36). Но многие и теснили Христа, а исцелилась только одна кровоточивая, которая говорила: *если хотя к одежде Его прикоснусь, то выздоровею* (Мк. 5, 28). И получила ответ: *вера твоя спасла тебя; иди в мире и будь здорова от болезни твоей* (Мк. 5, 34). Так вот, иконы, святые мощи, священные предметы, святая вода — все это только Его «одежда», через которую Он (а не «одежда») исцеляет христиан, со смирением прикасающихся хотя к *одежде Его*. Многие же теснят Христа (ездят по святым местам, к чудотворным иконам, к старцам...), но ищут вовсе не Его, а Его «одежды», чудес, исцелений, предсказаний, верят не столько в Него, сколько в силу разных святынь, ищут не жизни по Христу, а исцеления и возвращения

к «нормальной» (языческой) жизни по стихиям мира сего. Таковые ничего не получают. Преподобный Серафим Саровский говорил таким паломникам: Царство Божие, сказал Господь, внутри вас есть — значит, там, внутри нас, и Афон, и Иерусалим, и Киев. Ибо не иконы и святые места обладают чудодейственной силой («энергетикой», как сейчас, к сожалению, часто можно слышать), но Он Сам, Господь Иисус Христос, Который, видя искреннюю молитву к Нему (перед любой святыней), помогает человеку.

Какова в этих случаях правильная молитва?

Та, которая соединена с покаянием, то есть с искренним желанием исправить свою жизнь! Если же этого нет, если лицемерим и хотим плодов, не удобрив корней, то окажемся теми отторгнутыми, о которых сказал Господь: *Лицемеры! хорошо пророчествовал о вас Исаия, говоря: приближаются ко Мне люди сии устами своими, и чтут Меня языком, сердце же их далеко отстоит от Меня; но тщетно чтут Меня, уча учениям, заповедям человеческим* (Мф. 15, 7—9). Икона, как и все святыни, является лишь проводником Божией благодати, действующей соответственно духовному состоянию человека.

Таким образом, в этом вопросе — во что верит человек, во Христа или в Его «одежду», в Божию Матерь или в «Неупиваемую чашу» — и обнаруживается тайна души человека, его христианская или языческая вера. Помощь дает не «Неупиваемая чаша» и не «Прибавление ума», но Сама Божия Матерь при искренней молитве к Ней перед любой Ее иконой! Каждый образ, перед которым мы правильно молимся Первообразу, может стать чудотворным — так всегда было, ибо сердца сокрушенного и смиренного Бог не унижит.

Почему некоторые молитвы бывают услышаны, а некоторые нет?

Молиться можно по-разному, например так, как молилась мать Рылеева о выздоровлении сына, когда, несмотря на видение о будущей его гибели, она все же упорно продолжала просить Бога оставить сына в живых. Одним словом, молилась: «Да будет моя, Господи, воля, а не Твоя...» и в результате из-за своей настойчивости получила предсказанную беду. Или вот, я искренне, усердно, коленопреклоненно молюсь, ставлю свечки, чтобы отлично сдать экзамен. Да, искренне... Но опять-таки подтекст моей

молитвы все тот же: «Да будет, Господи, по моему желанию». А полезно ли мне это с точки зрения духовной или нет — меня не интересует.

Посмотрите, какова была молитва Христа в Гефсиманском саду перед открытыми Ему ужасами страшной Его казни? До кровавого пота молился, но что слышим? *Отче! о, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня! впрочем не Моя воля, но Твоя да будет* (Лк. 22, 42). Нет у нас веры Богу, потому и не получаем просимого. О, если бы мы могли от всей души сказать в молитве: «Господи, я все с благодарностью приму, потому что верю, что ты Сама Любовь и устроишь мою жизнь наилучшим образом. Да будет Твоя, Господи, воля, а не моя, не мои слепые желания!» Вот тогда мы чаще бы получали милости Божии.

Мне очень понравился следующий случай. Как-то в Индии мальчишка на слоне ехал, и когда слон подошел к джунглям, то вдруг остановился. Мальчишка бьет его, колет. Слон — ни с места. Мальчишка в ярости: он же спешит к отцу, уже опаздывает. Отец ругать его будет. Вдруг слон хватает его хоботом и — под себя. В этот момент из джунглей в прыжке вылетает тигр — прямо на спину

слону. Слон расправился с ним. Но что случилось бы с мальчишкой, оставайся он на слоне! Понял он и давай целовать слона, кормить бананами, всячески ласкать.

Вот и мы все — мальчишки на слоне. Во что бы то ни стало, дай мне, Господи, и то, и это, и не хотим понять, что Господь все устроит наилучшим образом. Не имеем мы, к сожалению, веры Ему. Вот почему наши молитвы часто остаются не услышанными.

Почему в Евангелии, когда кто-то обращается с просьбой воскресить умершего или исцелить расслабленного — Господь выполняет это... А сейчас — хотя молитва может быть отчаянная — так не бывает... или, во всяком случае, об этом неизвестно?

Здесь несколько причин. Первая — когда Христос пришел, нужно было, чтобы люди поняли, Кто Он есть. И многие действительно начинали в Него веровать, видя Его чудеса. В то же время посмотрите, какую оценку дал Господь этой вере: *блаженны невидевшие, и уверовавшие* (Ин. 20, 29). Чудо, которое происходит перед глазами, впечатляет, ошеломляет, но оно само по себе еще не может внутренне изменить человека. И тут мы подходим ко второму серьезному моменту.

Разве мало было мертвых в то время? Но воскресил Он, исходя из евангельских текстов, всего троих: дочь Иаира, юношу, сына вдовы, и Лазаря. Почему? Потому, что внешнее чудо бывает совсем не полезно для большинства людей. Помните, когда богач молил Авраама: *пошли Лазаря, пусть он воскреснет, пусть скажет моим братьям, чтобы они сюда не попали...* — что ответил Авраам: *если Моисея и пророков не слушают, то если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят* (Лк. 16, 23—31). Люди, не стремящиеся жить по совести и заповедям, настолько духовно грубеют, что и очевидное чудо уже неспособно изменить их сердце. Это один из законов духовной жизни. И это еще одна из причин, почему в наше время не происходит такого рода чудес.

Есть еще причина, на которую также указал Сам Господь: *если бы вы имели веру с зерно горчичное и сказали смоковнице сей: исторгнись и пересадись в море, то она послушалась бы вас* (Лк. 17, 6). Но что происходит в нашей душе? Мы, кажется, просим, молимся и... не верим. Когда Христос пришел в Свое отечество, то помните, как Его приняли? Результат: *И не совершил там многих чудес по неверию их* (Мф. 13, 58).

Почему Иоанн Кронштадтский оказался столь поразительным чудотворцем? Он, конечно, совершенно уникальная личность и такие очень редко рождаются в истории. У него была удивительно детская простота души. Смотрите, как он начал творить чудеса. Однажды он с полной верой просил Бога о болящей — и с изумлением увидел, как Господь исцелил ее. Это еще более укрепило его веру, и с тех пор он с неослабевающей верой стал совершать множество других великих чудес. Действительно, «исцеление привлекается смирением и верой», как писал святитель Игнатий.

Мы же не имеем ни веры, ни смирения и потому ничего не получаем. Вот основная причина, по которой большей частью сейчас не происходит того, что было при жизни Иисуса Христа.

Важно иметь в виду и следующее. Помните, что ответил Господь ученикам, которые не смогли исцелить бесноватого: *сей же род изгоняется только молитвою и постом* (Мф. 17, 21). Молитва тогда оказывается действенной, когда молящийся соединяет ее с каким-либо посильным подвигом: отречения от своего желудка, или лени, или развлечений... Ибо без подвига не бывает и плода.

Как можно объяснить то, что многие просят за них помолиться в монастыре, а не в простом приходском храме... потому что там люди более святой жизни, они ближе к Богу. Быть «ближе» или «дальше» по отношению к Богу — так правильно говорить, такое вообще возможно?

Мы все время ищем и надеемся найти человека, который «ближе к Богу». И обычно даже не задумываемся над тем, что это значит. Пользуемся слухами, простите, сарафанным радио и сразу с полным доверием идем, едем, летим к неизвестному священнику, монаху, юродивому... И результаты большей частью бывают плачевными, ибо те, которые действительно ближе к Богу, как огня боятся почитания, славы, похвал человеческих. О них, как правило, никто не знает. Истинная добродетель всегда целомудренна и скрывает себя от всех самыми различными способами: затвор, пустыни, леса, болота, юродство и т. д. О степени близости к Богу Отцы говорят так: высота духовная измеряется глубиной смирения. После долгих молитвенно-подвижнических трудов, Господь некоторых из них благословлял на явное служение людям.

Но чтобы увидеть смирение, а не попасться на лжесмирение, смиренничество, требуется достаточно продолжительное общение

с этим человеком, время. А таковой возможности у нас зачастую нет. Вот и попадаемся на мошенников, психически больных, просто глупых, а то и бесноватых людей, находящихся в прелести, в гордости, которые без страха и сомнения разрешают все жизненные вопросы, принося людям много бед, и духовных, и внешних. Одна из причин таких результатов: мы ищем чуда, прозорливости, исцеления, а не спасения от своих страстей, то есть ищем земного, но не духовного. Мы в гораздо большей степени материалисты, нежели христиане.

Вывод отсюда простой. Нужно искать не того, «кто ближе к Богу», ибо этого мы никогда не узнаем, а просто батюшку (монаха, мирянина) разумного, искренне верующего — без фокусов, без игры в благочестие и претензий на старчество, знающего творения Святых Отцов (а не всякие чудесные истории) и на их основании дающего советы. Особенно бояться нужно «командиров», берущих на себя смелость решать сплеча все жизненные вопросы человека, сражая его «священной» формулой: «Такова воля Божия» (которой он, обманщик, и знать не может). Поэтому не будем брать на себя суд Божий и говорить кто ближе, кто дальше, а постараемся

жить проще, изучая творения Святых Отцов, и с большой осторожностью относясь как ко всевозможным слухам о старцах и целителях, так и к новой литературе, хотя бы она и продавалась в церковных лавках.

Встречается такое мнение, что за усопших труднее молиться, потому что при жизни человек еще может покаяться, а умерший уже сам ничего сделать не может... Или это просто такое впечатление, потому что люди скорбят об усопшем?

Вопрос задан не совсем точно: многие считают, что молиться за кого-то не сложнее, а опаснее — как бы его грехи на тебя не перешли... Совершенно ложная мысль. Когда мы молимся за кого-то — неважно за кого — хоть за Иуду Искариотского... молимся кому? — Богу! Во время молитвы мы не непосредственно вступаем в контакт с усопшим, а через Бога — этот, скажем так, мощнейший фильтр, через который никакой грех, никакой дьявол, даже если он сидит в том человеке, не сможет проникнуть к нам. Бог все освящает, все очищает и не допустит никакого дурного обратного действия. Вот если мы начнем обращаться к самому усопшему, забыв Бога, как это делают колдуны, спириты — тогда получим по заслугам.

Но тогда логично спросить... Если можно молиться за всех, даже за волшебников (а ведь за волшебников не советуют), что же... и за бесов можно молиться?

Об этом говорить не будем, запрещается за них молиться. Не нашего духовного уровня такое дело: не наш воз, не нам и везти. Дай Бог себя спасти, молиться за близких и ближних, и не лезть куда не просят — бесы не нуждаются в наших молитвах, а насильно, как известно, мил не будешь. Но и мы мало что о них знаем. Нам вообще неизвестна природа духов. Нет же ответа на вопрос: почему Бог, будучи любовью, сотворил тех ангелов, о которых он знал, что они станут бесами и пойдут в муку вечную? А святые говорили, что если бы не было бесов, то не было бы и святых, поскольку они, искушая нас, фактически упражняют нас в борьбе со злом, и тем самым делают нам добро. Помните в «Фаусте» Гете: «Я — часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо». Нам неизвестен до конца Промысл Божий о них, он открыт нам только применительно к нашему падшему состоянию, и мы не знаем ответа на тот вопрос. Но поскольку Бог есть любовь, и Он дал бытие этим ангелам, следовательно,

здесь скрывается какая-то положительная тайна.

А вот о колдунах, волшебниках, сатанистах, атеистах, иноверцах и прочих молиться можно. Ибо основной закон христианской жизни — любовь к каждому и ко всем без различия. Ко всем и каждому! Потому бояться этого не нужно.

Но ведь в записках на Литургию нельзя писать неправославных, некрещеных?

За всеми богослужениями, даже за Литургией слышим от наших священнослужителей громкий призыв ко всем верующим: «Еще молимся о богохранимой стране нашей, властях и воинстве ея». А кому же неизвестно, что во властях и воинстве есть не только неправославные и некрещеные, но, наверное, и богоборцы, и сатанисты... и кого там только нет. А за кого Христос молился с креста? За Матерь Свою, Апостолов или за неправославных и некрещеных распинателей, богоборцев?! Итак, сама Церковь молится и призывает всех нас молиться за них, а мы что делаем: Он ходит в храм, часто причащается? — Нет? — Нельзя за него молиться. Какое самомнение, какое извращение Православия!

Да мы, ходя в церковь и причащаясь, в тысячу раз хуже мытаря, разбойника, блудницы, которых Сам Господь поставил нам в пример. Неужели это трудно понять? Потому отказ молиться за неправославных, некрещеных есть акт антицерковный и показатель, до какой степени отступления от Христа можно дойти и религию любви превратить в секту «своих».

Но, конечно, не надо смешивать молитвы за них с поминовением во время Литургии на Проскомидии, где частица просфоры символизирует православного крещеного человека. Потому на Проскомидию имя некрещеного писать не следует. Но совсем другое поминовение властей, воинства и прочих на молебнах, панихидах... Святитель Афанасий (Сахаров) писал: «молиться о неправославных можно и должно... Поэтому еще Святейшим Синодом был одобрен особый чин панихиды об усопших неправославных. Он начат был печатанием в <19>17 г., но не закончен. В <19>34 или <19>35 году митр<ополитом> Сергием был разослан по епархиям составленный им чин панихиды по неправославным».

Более того, святитель Афанасий считал, что, подавая помянник на панихиду, имена

неправославных можно ставить среди православных, а если эти имена иностранные, то, чтобы не смущать людей, изменять их на созвучные им православные (например, вместо «Анция» — «Андрея»). «Господь, — писал он, — знающий, о ком Вы молитесь, именно тому лицу, которое Вы имели в виду, окажет милость по Вашей молитве». Святитель Афанасий исходил из слов Спасителя: *А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинаящих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных* (Мф. 5, 44—45). Поэтому за всех надо молиться.

А самоубийц нельзя...

О каком ребенке мать больше заботится — о здоровом или больном и тем более смертельно?

Конечно, о больном.

А Церковь — это кто? Мачеха или Мать? Не с большей ли ревностью она станет плакать и молиться о совершившем смертный грех?! Строгие правила в отношении само-

убийц установлены не для того, чтобы за них не молились, а с прямой целью — показать верующим весь ужас совершившегося и уберечь — кого можно — от подобного греха, влекущего за собой тяжкие загробные страдания. Потому церковными правилами в отношении их запрещено совершать такие церковные молитвословия, как отпевание, панихиды, проскомидийные и гласные поминовения в храме. Но это совсем не означает, что за них вообще нельзя молиться. Родные, близкие, все должны каждый в себе с особой силой молиться за такового. Тем более, что мы никогда не знаем того внутреннего состояния, которое привело человека к смертному греху.

В молитве за других, чего мы на самом деле им желаем? Записки — «о здравии», «об упокоении»... Но речь ведь идет не о здоровье?.. может быть, чтобы Господь был ближе к человеку? О чем мы молимся?

Мы молимся прежде всего об исцелении от страстей, которые являются причиной наших телесных и душевных страданий. Преподобный Марк Подвижник говорил, что «все злое и скорбное приключается нам за возношение наше». Он же говорил: «если не хочешь скорбей — не греши». Дух человека,

как маточный раствор, порождает соответствующие кристаллы всех сторон жизни человека: здоровый дух — радость сердца и соответствующее состояние и души, и тела (а не «в здоровом теле — здоровый дух!») и, напротив, эгоистичный, завистливый, злобный дух человека не даст ему счастья ни при каком состоянии тела. Христианство обращает первостепенное внимание на состояние духа человека, ибо дух обуславливает не только вечную жизнь, но и характер земной во всех ее проявлениях. Поэтому, молясь о здравии, необходимо прежде всего помнить о здравии духовном. Тогда Господь, видящий наше духовное состояние, даст, по Своей Премудрости, и соответствующее благополучие земное.

И молитва об упокоении способствует духовному очищению души усопшего.

Значит, молиться за усопших — это тоже, чтобы Господь избавил их от страстей?

Да, именно. Ведь там к страстям как сродному себе прилипают «друзья»-мучители. Преподобный Антоний Великий писал: «когда бываем добры, то вступаем в общение с Богом — по сходству с Ним, а когда становимся злыми, то отделяемся от Бога — по

несходству с Ним... а сие не то значит, чтобы Он гнев имел на нас, но то, что грехи наши не попускают Богу воссиять в нас, с демонами же мучителями соединяют». Такова реальность жизни и земной, и загробной.

То есть мы молимся, чтобы человек увидел свои грехи?

Да, это необходимое условие освобождения и исцеления человека.

Но ведь тогда никакой радости не будет... а радость — это же один из «плодов Духа»...

«Через тернии к звездам». Никто, наверное, так не радуется, как спасенный от смертельной болезни, тяжелого плена, тюрьмы. Также и первым условием получения той радости, о которой Апостол писал: *не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* (1 Кор. 2, 5), — является видение своих духовных болезней, зла страстей, неминуемой духовной смерти. Ясно же, не увидев болезни, лечиться не будешь. Святитель Игнатий писал: «Первое духовное видение есть видение своих согрешений, доселе прикрывавшихся забвением и неведением», а не радость благодатных переживаний. Потому не увидевшие своей греховности,

неспособности своими силами исцелиться и стремящиеся сразу к любви и радости впадают в прелесть, погибают.

Это первое видение, сопряженное с покаянием, является основанием правильной (то есть праведной) жизни и необходимым условием возвращения человека в радость Божественной жизни. Как пророк Давид молился: *Возврати мне радость спасения Твоего* (Пс. 50, 14). Законная радость (в отличие от незаконной, прелестной) приобретается по мере исцеления от страстей через покаяние и подвиг правильной молитвы, о действии которой святой Исаак Сирий писал: «Молитва есть радость, воссылающая благодарение».

Зачем нужна была Жертва Христа. Почему Бог не мог просто всех сделать святыми, зачем нужно было убийство Сына?

Прежде всего нужно подчеркнуть, что без этой Жертвы невозможно было достичь той полноты единения с Богом, той совершенной святости, к которой человек был предназначен по творению. Но вопрос этот очень большой, чтобы его можно было сейчас обстоятельно раскрыть. Поэтому скажу лишь о самом главном.

Если бы Бог Своею властью мог изменить человека, это означало бы отсутствие у него свободы, и в таком случае он не был бы человеком. Но Божественное Откровение ясно говорит, что первый человек имел ее. И, свободно избрав зло, он тем самым извратил свою природу, которая, по учению преподобного Максима Исповедника, стала дебелой: смертной, тленной, страстной (то есть подверженной страданию) и потому неспособной к той полноте богообщения, к которой человек был изначально призван. Исцелить эту первородную поврежденность, выйти из дебелого состояния не мог ни один человек, хотя бы и достиг величайшей святости. Ибо, как писал святитель Афанасий Великий, «покаяние омывает грехи, но не исцеляет природы». Лишь Божественная помощь могла спасти человека. Она и явилась в Лице Богочеловека Иисуса Христа.

Почему для этой цели «нужно было убийство Сына»?

Один из законов нашего бытия заключается в том, что любое повреждение, любая катастрофическая ситуация: органическая, природная, психологическая, нравственная, социальная, политическая, военная — для своей нормализации требует отдачи сил

(например, чудо исцеления кровоточивой: *Иисус почувствовал Сам в Себе, что вышла из Него сила* (Мк. 5, 30)), страданий, а иногда и жертвы жизнью. Этот же закон действует и в духовной сфере человеческой жизни. Потому для исцеления природы человека от первородного повреждения потребовались страдания Богочеловека. Об этом и сообщает Апостол в Послании к Евреям: *Ибо надлежало, чтобы Тот, для Которого все и от Которого все, приводящего многих сынов в славу, вождя спасения их [Иисуса Христа] совершил (teleiùsai) через страдания* (Евр. 2, 10).

Специально привожу здесь из греческого подлинника слово teleiùsai, чтобы был понятен смысл его неудачного перевода на русский язык словом «совершил». Глагол telō означает заканчивать, доводить до конца, до совершенства. Следовательно, Апостол говорит здесь, что наш Вождь через страдания сделал совершенной воспринятую Им человеческую природу, то есть исцелил, воскресил ее от смертности, тленности, страстности. Преподобный Максим Исповедник писал об этом: «Непреложность произволения во Христе вновь вернула этому естеству через Воскресение бесстрастность, нетленность и бессмертие». Святитель Игна-

тий (Брянчанинов), подводя итог учению древних Отцов по этому вопросу, писал: «Искуплением обновлено человеческое естество. Богочеловек обновил его Собою и в Себе». Искуплением, то есть подвигом, Крестом, через страдания до смерти человеческое естество обновил Богочеловек Собою и в Себе, а не Воплощением, не беструдным актом Своего всемогущества исцелил природу человека «в Себе Самом» (святитель Афанасий Великий).

Так *совершилось* (Ин. 19, 30) великое дело спасения. Свидетелями этого явились все, увидевшие воскресшего Христа, Который и стал родоначальником нового человечества — вторым Адамом. Как это понимать?

Воскресением Христовым открылась принципиально новая эра в жизни человечества. Принципиально, в частности, потому, что если обычное рождение человека происходит по законам низшей природы — бессознательно, без воли рождаемого, то рождение *нового человека* (Еф. 4, 24) от Воскресшего совершается по законам духовной природы — только сознательно. Ибо Бог, по единогласному учению Отцов, не может спасти человека без воли самого человека. Это рождение от Христа происходит в Таинстве Крещения

с каждым уверовавшим в Него и осознанно ставшим на Его путь жизни, как сказал Он: *Кто будет верить и креститься, тот спасен будет.* В Крещении христианин получает семя возрожденной совершенной Христовой человечности, о чем, например, ярко, образно говорит преподобный Симеон Новый Богослов: «Тогда Бог Слово входит в крещеного как в утробу Приснодевы и пребывает в нем как семя».

Святые Отцы особенно настаивают на непререкаемости слов Христовых о необходимости веры самого крещаемого и предупреждают, что благодать Крещения дается не в силу совершенных действий и молитв, как бы автоматически, но только по вере крестящегося. Преподобный Марк Подвижник писал: «Уверился ли ты хотя ныне, что твердо верующим Дух Святой дается тотчас по крещении; неверным же и зловерным и по крещении не дается?» Священномученик Фаддей (Успенский) подчеркивает: «Можно креститься водой, не восприняв благодати Духа Животворящего (Ин. 3, 5), ибо сия благодать ни в кого не вселяется помимо желания его» — видите, желания его — то есть самого крещаемого, а не крестных, на которых так легкомысленно привыкли ссылаться.

Ибо никакой крестный не может поручиться за крестника, что тот отречется от сатаны и будет жить по Христу. Потому святитель Игнатий предупреждает: «Без приготовления, какая может быть польза от Крещения? Какая может быть польза от Крещения, когда мы, принимая его в возрасте, нисколько не понимаем его значения? Какая может быть польза от Крещения, когда мы, принимая его в младенчестве, остаемся в полном неведении о том, что мы приняли?» В древней Церкви и принимали Крещение, как правило, в сознательном возрасте. Так происходит спасительное восприятие человеком плодов Жертвы Христовой.

Вот для чего «была нужна Жертва Христа». Вот «почему Бог не мог просто все изменить», а «было нужно убийство Сына».

А посмертное наказание — это не возмездие?

Святой Исаак Сирий прекрасно отвечает на этот вопрос: «Где любовь, там нет возмездия; а где возмездие, там нет любви. Милосердие и правосудие в одной душе — то же, что человек, который в одном доме поклоняется Богу и идолам. Милосердие противоположно правосудию. Как сено и огонь не терпят быть в одном доме, так правосудие и милосердие — в одной душе».

Приложение

ОТЦЫ ЦЕРКВИ О СВЯТОСТИ

Святой Исаак Сирий

Никто не может приблизиться к Богу, если не удалится от мира. Удалением же называю не переселение из тела, но устранение от мирских дел (М., 1858. Слово 1. С. 2).

Бесстрастие не в том состоит, чтобы не ощущать страстей, но в том, чтобы не принимать их в себя (48, 210).

Кто делает добро ради воздаяния, тот скоро изменяется (85, 578).

Если будешь трудиться в прекрасной добродетели и не почувствуешь, что вкушаешь от нее помощи, то не дивись. Ибо, пока не смирится человек, не получает награды за свое делание. Награда дается не за делание, но за смирение... Добродетель есть мать печали, а от печали рождается смирение, а смирению дается благодать. Воздаяние же

бывает уже не добродетели и не труду ради ее, но рождающемуся от них смирению. Если же оно оскудеет, то первые (добродетель и труд ради нее) будут напрасны (34, 218—219).

Ибо никогда человек не познает силы Божией в покое и свободе... Не дивись, что когда приступаешь к добродетели, отовсюду источаются на тебя жестокие и сильные скорби; потому что и добродетелью не почитается та, совершение которой не сопровождается трудностью дела. (49, 319).

Всякую добродетель, совершенную без телесного труда, почитай преждевременным и неодушевленным плодом чрева (58, 454).

Признаком приближения выхода души из тьмы является горение сердца, так что весь мир вменяется в уметы (в сор) и пепел, и дается источник слез (58, 452—453).

Никто да не прельщает сам себя, и да не мечтает о предугадываниях¹. Ибо душа оскверненная не входит в чистое царство и не сочетается с духами святых (74, 530).

¹ В сирийском тексте: «никто да не обманывает сам себя и не дается в обман видениям».

...кто не сохранил заповедей и не шествовал по следам блаженных Апостолов, тот недостойн именоваться святым (55, 354).

Без освобождения от забот не ищи света в душе твоей, ни тишины и безмолвия при расслаблении чувств своих (69, 508).

Душа видит истину Божию по силе жития (30, 195).

Как невозможно переплыть большое море без корабля и ладьи, так никто не может без страха [Божия] достигнуть любви. Смердное море между нами и духовным раем можем переплыть только на ладье покаяния, на которой есть гребцы страха... Покаяние есть корабль, а страх — его кормчий, любовь же — Божественная пристань. Поэтому страх вводит нас на корабль покаяния, переправляет по смердному морю жизни и путеводит к Божественной пристани, которая есть любовь. В сию пристань приходят все труждающиеся и обремененные покаянием (83, 570—571).

...блаженный Антоний никогда не решался сделать что-либо полезное более для него самого, нежели для ближнего, в том уповании, что выгода ближнего — наилучшее для него делание.

Авва Агафон говорил: «Желал бы я найти прокаженного, и взять у него тело его, а ему отдать свое... И не могут приобрести любви к человекам те, которые любят мир сей. Не облечется в Бога не отрехшийся от мира» (48, 302—303).

Что такое сердце милующее? — Возгорение сердца у человека о всем творении, о человеках, о птицах, о животных, о демонах и о всякой твари... А посему и о бессловесных, и о врагах истины, и о делающих ему вред ежечасно со слезами приносит молитву, чтобы сохранились и были помилованы... Достигших же совершенства признак таков: если десятикратно в день преданы будут на сожжение за любовь к людям, не удовлетворяются сим, как Моисей... и как... Павел... И прочие Апостолы за любовь к жизни людей прияли смерть во всяких ее видах... И домогаются святые сего признака — уподобиться Богу совершенством любви к ближнему (48, 299—302).

Кто достойно именуется разумным? Тот, кто действительно понял, что есть предел сей жизни (21, 120).

Все доброе и худое, что не приключается с плотью, почитай за сновиденье (1, 11).

Немилостивый подвижник — бесплодное дерево (89, 603).

Кто познал себя, тому дается ведение всего, потому что познать себя есть полнота ведения о всем; и вследствие подчинения (Богу) души твоей подчинится тебе все (74, 533).

...ни одна из добродетелей не выше покаяния; потому что дело покаяния никогда не может быть совершенно. Покаяние всегда прилично всем грешникам и праведникам, желающим улучшить спасение. И нет предела усовершению, потому что совершенство и самых совершенных подлинно несовершенно. Посему-то покаяние до самой смерти не определяется ни временем, ни делами. Помни, что за всяким наслаждением следует омерзение и горечь (71, 523).

Покаяние и частые сношения с людьми — то же, что разбитая бочка (89, 598).

Не Дух Божий пребывает в тех, которые пребывают в покое, но дух диаволов (36, 228).

Не отказывайся от скорбей, потому что ими входишь в познание истины... потому

что среди них уготован божественный покой (5, 41; 28).

...по мере приобретаемого нами себе покоя, даем в себе место страстям, потому что в утесняемом теле помыслы не могут предаваться суетным парениям... (77, 550).

Покой и праздность — гибель душе, и больше демонов могут повредить ей (85, 587).

Ибо в веке несовершенном нет совершенной свободы (28, 190).

Мирская слава есть утес в море, покрытый водами, и неизвестен он пловцу, пока корабль не станет на нем дном своим и не наполнится водой; то же делает с человеком и тщеславие, пока не потопит и не погубит его (85, 582).

Кто в сердце своем приобрел смирение, тот мертв стал для мира, и... омертвел для страстей... Кто обрел зависть, тот обрел с ней диавола (89, 600).

Не домогайся заимствоваться советом у человека, который не ведет одинакового с тобою образа жизни, хотя он и очень мудр... А потому пользуйся таким советником,

который умеет с терпением обсудить, что требует рассуждения. Поэтому не всякий, подающий совет, достоин доверия, но только тот, кто прежде сам хорошо управил свободу свою и не боится осуждения и клеветы (78, 386—387).

Чист умом не тот, кто не знает зла (ибо таковой будет скотоподобным), не тот, кто по естеству находится в состоянии младенческом, не тот, кто лицемерит. Но вот чистота ума — просветление божественным по деятельном упражнении в добродетелях (4, 32—33).

Входит по временам незаметно во все тело некое услаждение и радование... когда найдет на человека это услаждение, бьющееся в целом теле его, тогда думает он в этот час, что и Царство Небесное не иное что есть, как именно это (45, 280).

Кто молит Бога и желает, чтобы в руках его были чудеса и силы, тот искушается в уме своем ругателем демоном и оказывается хвастливым и немощным в своей совести. Ибо в скорби должно просить нам Божией помощи. Без нужды же искушать Бога опасно. И кто желает сего, тот не действительно праведен (36, 225—226).

Преподобный Варсануфий Великий

Если кто не переносит досад, не узрит и славы, и если не очистится от желчи, не ощутит сладости (Варсануфий Великий и Иоанн, прпп. Руководство к духовной жизни. СПб., 1905. Ответ № 21).

Считай всякого человека превосходнее себя — восплачь о мертвце своем (Ответ № 48).

А того мы не знаем, что многие, желая извлечь других из реки, сами потонули вместе с ними (Ответ № 56).

Я не связал тебя, брат, и не заповедь дал тебе, но совет: поступи же как хочешь (Ответ № 56).

О мере воздержания в пище и питии Отцы говорят, что надобно употреблять того и другого несколько менее надлежащего, то есть не наполнять совершенно желудок (Ответ № 81).

Итак, моля о тебе, я прибегаю к Нему с великою неотступностью; но если и сам ты не прибегнешь к Нему, то будет нам великий стыд (Ответ № 113).

Начало просвещения души и признак ее здоровья заключается в том, когда ум начнет зреть свои согрешения, подобные множеством своим морскому песку, сказал св. Петр Дамаскин (СПб., 1905. Т. 2. С. 410).

Авва Ор: «Я вижу себя хуже всех людей» (1, 424).

Тогда только приемлет Бог добродетели наши, когда они — свидетели веры; сами же по себе они недостойны Бога. Вся правда наша, — сказал святой пророк Исаия, — яко порт жены блудницы. По этой причине Бог, взирая на сердца наши, благоволит о одних сердцах смиренных, исполненных сознания своей греховности... Может человек совершать душевные добродетели собственными силами; а добродетели духовные в человеке — дар в нем милосердного Бога, подающего этот дар нищим духом, алчущим и жаждущим правды Христовой (4, 526).

Замечательно, что все духовные цветы и плоды возросли в тех душах, которые в удалении от знакомства вне и внутри монастыря возделали себя чтением Писания

и Святых Отцов при вере и молитве, одушевленной смиренным, но могущественным покаянием. Где не было этого возделывания, там — бесплодие (Плач мой 1, 564).

Святой Макарий Великий говорил, что... встречаются души, сделавшиеся причастницами Божественной благодати... вместе с тем, по недостатку деятельной опытности, пребывающие как бы в детстве, в состоянии очень неудовлетворительном в отношении к тому состоянию, которое требуется и доставляется истинным подвижничеством. Мне пришлось видеть такое дитя — старца, обильно осененного Божественной благодатью... В монастырях употребляется о таких старцах изречение «свят, но не искусен», и наблюдается осторожность в советовании с ними... чтобы не вверяться поспешно и легкомысленно наставлениям таких старцев, чтобы проверять их наставления Священным Писанием и писаниями Отцов (1, 284, 285). Такой, по слову Исаака Сирского, недостойн называться святым (1, 286).

Один, один достоин стать пред Богом: дух, исполненный сокрушения и смирения. Это достоинство человеческое одно признал Сам Бог достоинством (4, 465).

Когда инок пренебрежет молитвою, безмолвием, постом, — дозволит себе развлечение, наслаждения плотские, тогда враг, видя его обезоруженным, нападает на него, поражает удобно (5, 406).

Оставление телесных подвигов соделывает человека подобным скотам, давая свободу и простор телесным страстям; излишество их делает человека подобным бесам, способствуя расположению и усилению душевных страстей (5, 273).

Хранение ума, блюдение ума, трезвение, внимание, умное делание, умная молитва, — это различные наименования одного и того же душевного подвига, в различных видоизменениях его. Душевный подвиг переходит в свое время в духовный. Духовный подвиг — есть тот же душевный, но уже осененный Божественной благодатью (1, 207).

Займитесь чтением Нового Завета и Святых Отцов Православной Церкви (отнюдь не Терезы, не Францисков и прочих западных сумасшедших, которых их еретическая Церковь выдает за святых!) (4, 476).

Поведение подвижников латинства, обьятых прелестью, было всегда исступленное, по

причине необыкновенного вещественного страстного разгорячения. В таком состоянии находился Игнатий Лойола, учредитель Иезуитского ордена (1, 244).

Святые Отцы Восточной Церкви приводят читателя своего не в объятия любви, не на высоты видений — приводят его к рассматриванию греха своего, своего падения, к исповеданию Искупителя, к плачу о себе пред милосердием Создателя. Они сперва научают обуздывать нечистые стремления нашего тела... потом обращаются к уму, выправляют его образ мыслей... С исправлением ума Святые Отцы заботятся о исправлении сердца, об изменении его навыков и ощущений. Очистить сердце труднее, нежели очистить ум... Лютость этой борьбы Отцы выражают так: «Дай кровь и прими дух». Значит: надо умертвить все греховные пожелания плоти и крови, все движения ума и сердца, зависящие от плоти и крови. Надо ввести и тело, и ум, и сердце в управление духа (4, 499).

Ухо безмолвника услышит дивное, — сказал некоторый святой пустынножитель (4, 507).

Все святые полагали в основание молитвы сознание и исповедание своей греховности и греховности всего человечества. Святость человека зависит от сознания и исповедания этой греховности (1, 155).

...святой Исаак Сирский... решился присокупить, что (такой. — *Сост.*) *недостойн называться святым* (Слово 55) (1, 286).

...святые Божии признают себя оскверненными любодеем несравненно более, нежели те, которые, живя жительством плотским, непрестанно утопают в любодеем. Из такого самовоззрения святой Василий Великий... муж, исполненный Святаго Духа, произнес о себе следующее изречение: «Не познал я жены, и я — не девственник» (1, 349).

Видел ли кто тело праведника, оставленное душой? ...при погребении его печаль растворена какой-то непостижимой радостью (1, 384).

Смерть, одна смерть вполне освобождает даже святых Божиих от влияния на них греха (1, 526).

Свойственно святыне не мыслить зла о ближних; ей свойственно самых явных,

открытых злодеев считать менее злыми, нежели каковы они на самом деле (2, 18).

Так объясняется то дивное зрелище, которое представляют собой святые Божии: они, будучи сосудами Святаго Духа, вместе видели, признавали, исповедали себя величайшими грешниками, достойными казней временных и вечных (2, 374).

Они омывали свои добродетели, как бы грехи, потоками слез. Так никогда не плачет ослепленный грешник об ужаснейших грехах своих, как плачут рабы Христовы о своих добродетелях (2, 403).

Святые Божии, непрестанно рассматривая себя, непрестанно находили в себе новые недостатки и, находя их, более и более погружались в покаяние, которое очищало и усовершенствовало их для неба (3, 107—108).

Испытание для святых Божиих настанет (во время антихриста. — *Сост.*) страшное: ... малое число их будет казаться ничтожным пред всем человечеством и мнению их будут придавать особенную немощь (мнению их не будут придавать никакого значения. — *Сост.*), общее презрение, ненависть, клевета,

притеснения, насильственная смерть делается их жребием (4, 298—299).

...святые человеки — святые относительно; человеческая святость есть наименьшая, по возможности человеческой, греховность (4, 281).

Праведники, подвергшись искушению, не видят своей праведности, зрение ума их устремлено к совершенствам Божиим; озаренные сим светом, они видят нечистоту правды своей — и сердце исполняется чувствований глубокого смирения, ум начинает произносить исповедание и хвалы правосудия Божественного (6, 254).

Самые праведники подвергаются весьма часто тонким согрешениям, и как они очень внимательно наблюдают за собой, то и признают себя грешниками гораздо более, нежели все вообще люди; притом они по чистоте ума гораздо яснее других людей видят свою ничтожность в громадности и истории мира. На этих основаниях они усваивают себе чувство покаяния и плача гораздо более своих собратий, мало внимающих себе (10, 507).

Человек, исповедав себя рабом и созданием Божиим, предавшись всецело воле

Божией, немедленно вступает всем существом своим в область святой Истины. Истина доставляет правильное настроение духу, жизни. Взошедший в область Истины, подчинившийся Истине, получает нравственную и духовную свободу, получает нравственное и духовное счастье. Эта свобода и счастье не зависят от человеков и обстоятельств (2, 96).

Воля человеческая есть стена медная между Богом и человеком (преп. Пимен Великий) (2, 358).

Неведомой Премудростью Божиею, по искуплении рода человеческого Господом нашим Иисусом Христом, предоставлена человекам свобода в изображении жизни и смерти, в принятии Исккупителя и искупления или в отвержении их (3, 135).

Вы признали как бы богами вашими лютые помышления и приносите им в жертву честнейшее из жертв: свободу вашу, которую подобало вам посвятить Мне (Богу. — *Сост.*) вашим благоделанием и чистой совестью (преп. Исаак Сирин. Сл. 53) (3, 166).

Закон свободы, сказал преподобный Марк Подвижник, разумением истинным

читается, деланием заповедей разумеется, исполняется же щедротами Христовыми (4, 23).

...исполнивший волю диавола лишается свободы и подвергается насильному влиянию падшего духа в той степени, в какой исполнена воля диавола. Смертный грех решительно порабощает человека диаволу... (5, 352).

Бог, по неизреченным Любви Своей и Смирению, не восхотел быть насильственным обладателем храма, сооруженного Им для Себя. Он даровал словесному храму свободу, власть принадлежать или не принадлежать своему Зиждителю, чтобы пребывание Бога в человеке было единственно по любви человека к Богу. Но храм этот, сосуд, удалив из себя Бога, не может не быть тем, чем он создан, то есть храмом, сосудом. Тогда, по словам Писания, он принимает в себя грех — яд, ввергнутый в естество наше диаволом, соделывается вместилищем страстей (6, 268).

Если же христианин опять захочет быть обителем Бога, то покаянием изгоняет из себя грех, а хранением заповедей опять

привлекает к себе Бога. Впрочем, возможность этих изменений продолжается только во время земной жизни, по окончании которой тот, кто был последним владельцем храма, остается его владельцем на всю вечность и Бог составляет Собой вечное блаженство Своего жилища, а грех — вечное мучение своего логовища (6, 268).

Предадимся добровольно воле Божией: потому что, хотим или не хотим, а находимся и будем находиться в руках Божиих, хотя на некоторое время и представляется нам свобода в действиях, чтобы высказались наше произволение и залог сердечный (6, 280).

Смерть и погубление, которых от нас требует Бог, состоят не в уничтожении существования нашего: они состоят в уничтожении самолюбия, соделавшагося как бы нашей жизнью (2, 116).

Самолюбие есть искаженная любовь падшего человека к самому себе. Самолюбие боготворит свой падший лжеименный разум — старается во всем и постоянно удовлетворять своей падшей, ложно направленной воле. Самолюбие выражается по отношению к ближним или посредством

ненависти или посредством человекоугодия, то есть угождения страстям человеческим, а к предметам мира, которыми он всегда злоупотребляет, посредством пристрастия. Как святая Любовь есть *союз совершенства* (Кол. 3, 14) и составляется из полноты всех добродетелей, так самолюбие есть та греховная страсть, которая составляется из полноты всех прочих разнообразных греховных страстей (2, 116-117).

Непщевати вины о гресех — значит приводить извинения, оправдываться в своих согрешениях. Мысли и слова, в которых изображается это оправдание, названы *слова лукавствия* (6, 214).

Оправдываться пред собой, обольщать, заглушать свою совесть — всегда беззаконно, всегда бедственно; усвоившиеся *слова лукавствия* соделывают человека ожесточенным фарисеем, способным на всякое преступление. Оправдание в согрешениях, не нуждающееся в вымыслах и многословии, оправдание, всегда принимаемое Богом, — покаяние (6, 214).

Обвинение самих себя, а никого другого, в случающихся с нами скорбях доставляет

нам великое благо, доставляет глубокое спокойствие и значительное преуспеяние. Тем более мы должны так поступать, что ничего не совершается с нами без Промысла Божия (преп. Авва Дорофей) (5, 242).

Если же хотите пожать обильный плод духовный, то унижьте себя пред ближним в сердце вашем и скажите сами себе: «В том, что это дело не устроилось, я виноват по недостатку духовного разума и терпения, которыми стяжывается ближний» (6, 90).

Укоряйте себя, укоряйте свое немощное произволение, потому что сила произволения и в немощных производит великое. В обвинении себя найдете утешение. Обвините себя и осудите себя, а Бог вас оправдает и помилует (6, 91).

Божественное Писание, неправильно понимаемое и толкуемое, может погубить душу. Так сказал святой апостол Петр о Посланиях святого апостола Павла, распространив это замечание и на прочие книги Священного Писания (2 Пет. 3, 16), что особенно должно отнести к Ветхому Завету, исполненному прообразований, теней, а потому и священной мрачности.

Осторожно обходись с мечем обоюдоострым — Писанием... (6, 158).

И бесы толкуют Писание на погибель и прельщение внимающим им! (6, 194).

...полезнейшее чтение — Новый Завет, в особенности Евангелие. Но его надо читать со смирением, не позволяя себе собственных толкований, а руководствуясь толкованием Церкви (6, 221).

...святая Церковь, принимая благодатное толкование Священного Писания Святыми Отцами, этим самым доказывает свое глубокое уважение к Священному Писанию: она чтит его, как должно чтить Слово Божие. Она научает чад своих не быть дерзкими относительно Слова Божия, удерживает их от гордого своеволия и бесчиния, повелевает воспитываться чтением Святых Отцов и при руководстве их проникать в чудный свет Слова Божия, поражающий слепотой тех, которые осмеливаются воззреть на него без должного приготовления, умом нечистым и сердцем грехолюбивым (6, 230).

Мир любит свое, — сказал Спаситель. Когда мир услышит Слово Божие, провоз-

глашаемое по стихиям и в духе мира, то есть когда он услышит учение свое, прикрытое личиной учения Божия, тогда он превозносит его похвалами. Когда же он ощутит в слове присутствие иного Духа, действующего разрушительно на владычество мира, тогда он заражается ненавистью к слову, устанавливает гонение на произнесшего слово (6, 289).

Слово Божие доставляет познания, необходимые для жительствова бoгoугодного — жительство бoгoугодное соделывает человека обителью Святаго Духа, Который и научает своеобразно, не по стихиям мира, словесный сосуд Свой высокому учению Божественной истины, невыносимому и несвойственному для разума плотского и душевного... (7, 551).

...как произнесено Слово Божие, или Священное Писание, при посредстве Святаго Духа, так только при посредстве Святаго Духа оно может быть и объясняемо, следовательно, и понимаемо (9, 451).

Плотское разумение Слова Божия приводит к неверию, к соблазну самим всесвятым Словом Божиим, к ложным и превратным заключениям и мнениям, к оставлению Бога, к гибели (9, 453).

Святоотеческое писание направлено к трем степеням духовного совершенства: к младенцам, средним и совершенным...

Великое благо, что Святые Отцы оставили нам своим опытом испытанные советы. Чаше заглядывай в книги.

После чтения святоотеческих книг, конечно, покажутся сухими книги епископа Феофана [Затворника]. Можно сравнить так: святоотеческие книги сметана, а епископа Феофана — снятое молоко и разбавленное водой.

Святой Иоанн Лествичник удивляется странному в нас действию: почему мы, имея помощниками на добродетель и Всесильного Бога, и Ангелов, и святых чело­веков, а на грех — одного беса лукавого, удобнее и скорее преклоняемся к страстям и порокам, нежели к добродетелям? Вопрос остался открытым, святой не хотел нам объяснить. Однако можно догадываться, что наша природа, испорченная преслушанием, и мир, со своими разными ошеломляющими соблазнами, помогают диаволу, и Господь не нарушает наше самовластие. Нам должно

стремиться к добродетели, насколько хватит наших сил, но устоять в добродетели — не в нашей власти, а в Господней, и хранит Господь не за наши труды, а за смирение. «Где случилось падение, там предварила гордость», — говорит Лествичник.

Но Господь по Своему милосердию дал нам, немощным, покаяние, ибо наша испорченная природа очень и очень склонна ко греху. Святые Отцы своим опытом изучили до тонкости нашу природу, утешают нас и подробно изложили в своих сочинениях способ борьбы со грехом. Теперь у тебя есть книжица «Невидимая брань», посматривай в нее почаще.

Относительно молитвенного твоего правила умудрайся сама, только чтобы было не на ветер, как бы только выполнить. Старайся внимательно. Не лучше ли сократить, чем со смущением выполнять и быть рабом у правила? Это не моя мысль, а святого Исаака Сирина.

Проще-то лучше. Не осуждать никого, лишнего не говорить. Хорошо бывает, когда человек начинает замечать, что его внутренняя храмина завалена разным хламом, значит,

стал он больше внимать себе и меньше будет обращать внимания на немощи других. Почем знаешь, как и чем кто спасается? Один — смирением, другой — скорбями. Скорби разные или неприятности от людей, — их надо переносить благодушно. Господь избрал и послал на проповедь пророков и Апостолов, но скорбей от них не отнял. А Спаситель наш, Господь Иисус Христос, сколько скорбей потерпел ради нас. Надо чаще и от всего сердца взывать: Господи! Помоги нам, грешным, благодушно терпеть посылаемые Тобой скорби. Хотя мы и знаем, что они служат нам на пользу душевную, но малодушествуем и изнемогаем, и без Твоей помощи не можем творить ничего. Ими же веси судьбами, спаси нас, грешных!

Святой Лествичник пишет: «Раскрой у новонаначального душу — и увидишь неправильное желание непрестанной молитвы, всегдашней памяти смертной и совершенного безгневия, — такое состояние только у совершенных».

Признак настоящей молитвы — в теплоте сердечной, и в сокрушении сердца, и в том, чтобы сознавать себя ничтожной и взывать ко Господу: «Господи Иисусе Христе, Сыне

Божий, помилуй мя, грешную», или другими словами можно молиться, как для тебя будет удобнее.

Ты пишешь, что я взялся учить тебя уму и разуму; но это не так. Как же я могу учить других, когда сам иду ощупью и спотыкаюсь, а если ведет слепец слепца, оба упадут в яму... У меня своих опытов духовных нет, а если кому отвечаю, то не свое, а заимствованное от Святых Отцов, и сам краснею: других учу, а сам как живу?

В данное время мы лишены этого блага — жить под руководством опытного старца в духовной жизни. Руководитель должен указывать дорогу, по которой шел сам, а если будет руководить только по книгам, — выходит совсем не то. Говорящий и слушающий думают, что оба назидаются, но когда вкусят, как благ Господь (Пс. 33, 9), тогда только познают свои ошибки. Святой Петр Дамаскин говорит о себе, что много получал вреда от неопытных советников; руководитель должен быть бесстрастным и иметь дар рассуждения, а именно: знать время, начинание, намерение, устройство человека, крепость, знание, усердие, возраст, силу, немощь, произволение, сокрушение, навык,

незнание, силу тела, сложение, здоровье и болезненность, нрав, место, воспитание, расположение, намерение, поведение, понимание, природный ум, старание, бодрость, медлительность, намерение Божие, смысл каждого изречения Божественного Писания и многое другое. Вот каков должен быть руководитель в духовной жизни и какое должен иметь рассуждение.

К стыду моему, я живу в монастыре уже 48 лет и до того расстроился, что просто не знаю, с чего и начинать, как спасти свою душу. Однако ты не подумай, что говорю так по смирению, нет, нет, я такой есть воистину. Смолоду было у меня ревности хоть отбавляй, носил некоторое время власяницу и вериги, старался искать святых подвижников, но как-то не удавалось найти; вероятно, не понимал их, по неопытности своей. Первая ревность очень обращает внимание на букву, убивающую дух, и я не встречал такого наставника, который мог бы поддерживать ревность и руководил бы правильно в духовной жизни. А живущий без руководителя, по словам святого Лествичника, ненадежен, ибо он кичится. Так я и остался «пирожком ни с чем». Но не отчаиваюсь,

верую в Божие милосердие и стремлюсь к Нему по силе моей, припоминаю евангельский виноградник, в который пришли наемники уже в одиннадцатый час и получили такую же плату, как те, которые работали с утра. Я очень доволен и рад, что Господь судил мне проводить жизнь в стенах монастыря. Я написал, что буква убивает дух, но надо понимать намерение слов: буква убивает того, кто остановится на ней и смотрит на нее как на добродетель, а не как на пособие к добродетели. Конечно, плоды не бывают без листьев, однако смоковница засыхает без плодов.

Ты писала, что «любишь вкусную пищу», а кто же ее не любит? Только тот не любит, кто вкусил небесного утешения и обуздывает чрево — этого господина всего худого.

Из писем игумена Никона

Учиться надо и молитве, и вообще христианству у Игнатия (Брянчанинова). Лучшего учителя для нашего времени нет. Но и он стал почти недоступен современным христианам. Без него понимать древних Отцов, а главное, применять их к себе почти

невозможно. Это познают все из своего горького опыта, если только будут вообще идти путем истинно христианским, а не мечтательным.

Как я благодарен ему [святителю Игнатию] за его писания! Не понять и не оценить его — значит, ничего не понимать в духовной жизни. Смеею сказать, что сочинения епископа Феофана (Говорова) (да простит мне святой владыка) — работы школьника по сравнению с творениями епископа Игнатия... Постоянно вникайте в Игнатия и идите указанным им путем. Это — путь всех древних Отцов, путь, пройденный и самим Игнатием, проверенный им, как человеком нашего времени и развития, человеком наших недостатков и слабостей, нашего почти окружения. Это-то и делает его писания особенно ценными. Прибавьте к этому силу благодати Божией, явно в них ощутимую...

Вы слишком много значения придаете тому, что о Вас думают, что скажут и проч. Какое значение имеет суд человеческий? Что если весь мир будет превозносить кого-либо, а Господь скажет ему: «Не знаю тебя»? Что произошло с фарисеями? Так же бесполезно и в себе копать да судить себя судом чело-

веческим! Не лучше ли всегда говорить с мытарем: Боже, милостив буди мне, грешному!

Мы каждый день читаем молитву: Боже, очисти мя, грешнаго, яко николиже сотворих благое пред Тобою. Кто составил эту молитву? Знаете? Преподобный Макарий Египетский, один из величайших Отцов, достигший совершенства духовного, на земле еще живя, был и жителем небесной обители. Вот как оценивали себя и свой труд угодники Божии, друзья Божии.

А мы постоянно ахаем, да охаем: «Ах, я не так сказала! Ох, как обо мне могли подумать...» Как будто мы только в этот раз не так сделали или поступили. А Святой Отец говорит: Николиже [никогда] сотворих благое пред Тобою, очисти мя, грешнаго.

Каждый день перед сном надо проверить себя и посокрушаться о всех нарушениях заповедей, какие допустил за день. И всю прошлую жизнь вспомнить и каяться обо всем, и не отступать в покаянии, пока явственно не ощутим, что Господь простил нам прошлые грехи. Должно при этом от всего сердца просить Господа, чтобы Он помог нам и впредь не грешить, не оскорблять

Его новыми нарушениями Его святой воли, выраженной в заповедях. Всячески надо бояться оскорбить ближнего своего, ибо легче примириться с Богом, нежели с ближним. Смирись пред всеми, по силе старайся всем услужить, никого не укоряй, не суди, не осуждай. Помирись со всеми, всем прости, иначе не получишь сама прощения от Господа. Это условие дано Самим Господом: *если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших (Мф. 6, 15).*

В наступившие дни святого поста приведи себя в порядок, примиришься с людьми и с Богом. Сокрушайся и плачь о своем недостойнстве и гибели своей, тогда получишь прощение и обретешь надежду спасения. *Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит, а без этого никакие жертвы и милостыни не помогут тебе. Аще бы восхотел еси жертвы — дал бых убо: всесожжения не благоволиши. Жертва Богу — дух сокрушен.* «Плачущий о грехах своих выше воскрешающего мертвых», — говорит преподобный Исаак Сирин.

Со всем усердием проси у Господа величайшего и нужнейшего из всех даров —

видеть грехи свои и плакать о них. Имеющий этот дар имеет все.

Если бы человек спасался своею праведностью, то зачем было приходить Господу Иисусу Христу и страдать? Никто не вошел в Царствие Божие своими только заслугами. Человек должен понять: 1) свою ветхость, испорченность, падение, всякую неправду, полное искажение всей души своей и прочее; 2) убедиться на своем горьком опыте, что сам он своими силами не может исправить себя, хотя и должен постоянно бороться со своей испорченностью и оплакивать это состояние; 3) должен обращаться ко Господу, как мытарь: Боже, милостив буди мне, грешнику. Я погибаю, тону в море беззаконий моих, спаси меня, Господи Иисусе Христе, как спасал всех, кто к Тебе обращался: разбойников, мытарей, блудниц и т. п. Бог есть любовь. По любви к падшему роду человеческому Господь не остановился совершить величайшую жертву: Бог Отец послал Сына Своего на крестные муки, Бог Сын несет послушание до смерти крестной, Бог Дух Святой не гнушается входить в грешную душу человека и очищать и спасать ее. Что еще больше может совершить Господь для

нашего спасения? Мною клянусь, глаголет Господь, не хочу смерти грешника, но еже обратится и живу быти ему. Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего, да всяк веруяй в Него не погибнет, но имать живот вечный.

«Держи ум твой во аде...»¹ Объяснение поверхностное, уводящее от существа дела. Мысль совсем не о необходимости возобновлять по своей воле вновь и вновь переживание адских мучений. Этими словами старцу Силуану было указано не искать «высоких Божиих даров» (см. святой Исаак Сирин. Слово 55), а смириться, увидеть себя ниже всякой твари, подобным адским узникам, недостойным никаких благодатных дарований.

Единственно правильный путь есть путь сознания своего недостойнства быть с Богом, сознания гибели и отсюда плача о помиловании, словом, путь покаяния. «Егда сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключими есмы, еже должны бехом

¹ По поводу объяснения иеромонахом Софронием (Сахаровым) этих слов, услышанных прп. Силуаном Афонским.

сотворити, сотворихом». Все заповеди мы должны выполнять, но благодать Духа Святого и Царствие Божие даются не за дела, которые мы обязаны делать как творение и рабы Божии, а исключительно по милости Божией. Старцу Силуану и было дано указание не искать благодатных состояний, а счесть себя недостойным их и добиваться «держанием ума во аде» глубокого, искреннего, от всей души сознания, что он падшее существо, недостойное Царствия Божия и каких-либо даров от Бога, что его дела и подвиги сами по себе не имеют положительной цены без смирения, а могут удалить от Бога.

Словом, предлагалось увидеть грехи свои бесчисленными, как песок морской, увидеть и бессилие, невозможность своими подвигами победить их, прийти к нищете духа, которая есть начальная ступень к особому благодатному смирению. Это все и познал старец, как видно из его совственных слов.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ступени духовного развития</i>	3
Спасенность	3
Праведность	8
Святость	9
Зачем молятся святым	12
Каждый пятый — святой!	15
Можно ли сегодня стать святым	18
 <i>Основы духовной жизни и святости по творениям святителя Игнатия (Брянчанинова)</i>	20
Правильная мысль	22
Что значит вера во Христа	25
Познай самого себя	29
Добрые дела	31
Опасно преждевременное бесстрашие	35
Правильная молитва	38
Прелесть	43
Католицизм	46
Наставник	49
Истина одна	58
 <i>Церковь и святость</i>	61
Церковь и верующий	61
Ступени жизни	62
Писание и Церковь	65

Законы жизни	70
Любовь и заблуждение	77
Плоды Духа	90

<i>Вопросы и ответы о вере, молитве и смысле земной жизни</i>	98
---	----

Приложение

<i>Отцы Церкви о святости</i>	124
Святой Исаак Сирин	124
Преподобный Варсануфий Великий	131
Святитель Игнатий (Брянчанинов)	132
Из писем схиигумена Иоанна	146
Из писем игумена Никона	151

Религиозно-просветительское издание

Серия «Православие в жизни»

Алексей Ильич Осипов

СТАТЬ СВЯТЫМ
ИЛИ БОГАТЫРИ НЕ МЫ?!

Заведующая редакцией *Т. Тарасова*

Редактор *И. Черкесова*

Технический редактор *З. Кондрашова*

Корректоры *Е. Пятаева, О. Назаренко*

Верстка *И. Покидова*

Подписано в печать 18.12.2009

Формат 70x100 1/32. Объем 5 п. л.

Печать офсетная. Тираж 15 000 экз. Заказ № 443

Издательство Московской Патриархии.

119435, Москва, Погодинская ул., 20, корп. 2

Оптовый отдел реализации:

(499) 246-20-85, 246-52-08

Магазин: (499) 245-30-68

E-mail: books@top.ru

Отпечатано в типографии Патриаршего издательско-полиграфического центра, г. Сергиев Посад

Можно ли сегодня стать святым?
Совершенно очевидно, что идет процесс деградации человеческой расы, изменяется к худшему нравственная атмосфера всей жизни. Причин этому много. Но тем не менее уровень духовной жизни человека все же в большей степени зависит от самого человека, его решимости, а не от эпохи. Да, такими святыми, каковы были Отцы, подвизавшиеся в пустынях, горах и непроходимых лесах, стать уже не сможем — богатыри не мы. Но Святые Отцы предсказали нам, духовно нищим, нечто утешительное.

Издательство
Московской
Патриархии